

**Александр Матюхин
Виктория Колыхалова
Александр Подольский
Алексей Шолохов
Максим Кабир
Дмитрий Тихонов
Игорь Кременцов
М. С. Парфенов
Владимир Кузнецов
Андрей Сенников
Владислав Женеvский
Александр Геннадьевич Щёголев
Мария Артемьева
13 маньяков
Серия «Самая страшная книга»**

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9743144
13 маньяков: Сборник рассказов: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090355-9*

Аннотация

13 авторов.

13 рассказов и повестей.

13 серийных убийц и маньяков.

Создатели антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2014» и «Самая страшная книга 2015» представляют новый уникальный проект – сборник, целиком и полностью посвященный, пожалуй, самой ужасающей теме современности.

Писатели, работающие в жанре «хоррор», заглянули на свой страх и риск в кровавую бездну человеческого безумия – и готовы поделиться с вами теми кошмарами, которые в этой бездне увидели.

Не для слабонервных. Не для детей. Не для беременных.

Будь осторожен, читатель. Эта книга способна свести с ума.

Безумие – заразно...

Содержание

13 фактов о маньяках и серийных убийцах, которые полезно узнать перед тем, как приступить к чтению книги «13 маньяков»	5
Маньяк № 1	6
Маньяк № 2	17
Маньяк № 3	25
Маньяк № 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

**Максим Кабир, Андрей Сенников,
Александр Щёголев, Александр
Подольский, Игорь Кременцов,
Александр Матюхин, Владислав
Женевский, Виктория Колыхалова,
Мария Артемьева, Дмитрий
Тихонов, Алексей Шолохов,
Владимир Кузнецов, Парфенов М. С
13 маньяков (сборник)**

© Авторы, текст, 2015

© М. С. Парфенов, составление, 2015

© В. Гусаков, обложка, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

13 фактов о маньяках и серийных убийцах, которые полезно узнать перед тем, как приступить к чтению книги «13 маньяков»

1. У терминов «маньяк» и «серийный убийца» разные значения. Не всякий маньяк совершает серии убийств, и не всякий серийный убийца страдает какой-либо манией.

2. Словосочетание «серийный убийца» (serial killer) взяли на вооружение в ФБР лишь в 1990-е годы. Прежде подобных преступников называли «массовые убийцы».

3. Первым серийным убийцей считается так и оставшийся непоиманным лондонский маньяк Джек-потрошитель. В 2014 году с помощью тестов ДНК удалось установить, что проститутки в Уайтчепеле резал психически больной польский эмигрант.

4. Как правило, серийными убийцами становятся белые мужчины среднего возраста или молодые. Но из этого правила есть немало печальных исключений – азиатов, африканцев, женщин, подростков, стариков.

5. Серийных убийц разделяют на две категории – организованные и дезорганизованные. Первые считаются более опасными, так как расчетливы, стремятся замечать следы и могут убивать долго, в течение десятилетий. Преступления других отличаются особой извращенной жестокостью. Выделяют и третий тип – смешанный. Вероятно, самые ужасные убийцы относятся именно к нему.

6. Большинство серийных убийц осознают свои действия, планируют их (порой на это уходят годы). Многие забирают какие-либо предметы или части тел своих жертв, приходят на места убийств, снимают фото и видео – на память.

7. В быту серийные убийцы редко вызывают у окружающих подозрения. Они могут быть примерными мужьями, отцами, детьми, работать, учиться, дружить, заводить личные отношения. Убийцей может оказаться любой.

8. Серийные убийцы могут действовать сообща. Существуют даже примеры супружеских пар, в которых священные узы брака соединяют сердца двух влюбленных маньяков. Известны случаи, когда маньякам так или иначе помогали родственники.

9. Среди прообразов известного литературного, кинематографического и телевизионного маньяка Ганнибала Лектера был реальный серийный убийца Тед Банди. На сегодня о докторе Лектере сняты пять полнометражных кинолент и один популярный телесериал.

10. Популярностью пользуются не только маньяки, выдуманные писателями и сценаристами, но и настоящие убийцы. В социальной сети ВКонтакте существует несколько десятков сообществ, посвященных «серийникам» и маньякам. В самых крупных таких сообществах состоит до сорока тысяч человек.

11. В США проживает всего пять процентов населения Земли, однако семьдесят четыре процента всех известных серийных убийц – жители Соединенных Штатов.

С 1990 годов в России постоянно росло число преступлений, совершаемых серийными убийцами. До 1998 года в среднем заводили 20–30 уголовных дел такого рода. В 2002 году было заведено уже 205 дел. В 2003-м – 350. И в том же году доступ к статистике серийных преступлений на территории России был официально закрыт.

13. Сколько сейчас по городам и весям России орудует серийных убийц и иных маньяков – можно только догадываться...

Маньяк № 1

Максим Кабир

Метод сборки

*Блажен муж, направляющий сына своего на путь истинный, в
коем тот будет восхищен бичеванием.*
Альберт Фиш

Когда Глеб Минаков поднялся на сцену, его заметно шатало, и выступление предварила пауза, заполненная немой борьбой со страницами его собственной книги.

Слушатели – их в этот вечер было много, ни одного пустого столика, – ждали, снисходительно прощая популярному автору манеру выступать подшофе. Наконец их ожидание было вознаграждено.

Сперва заплетающимся, но с каждой строкой твердеющим языком он зачитал отрывок из «Рабов». Даже те, кто читал роман Минакова (а таких было большинство), оторвались от еды и напитков и внимали автору.

Глеб Минаков любил выступать и делал это лучше многих коллег. Впрочем, он и писал лучше коллег – не на каждой обложке красуется надпись: «Национальный бестселлер». На его книге такая нелишняя пометка была.

Он закончил выступление практически трезвым и под гром аплодисментов спустился в зал.

На сцене появился организатор мероприятия, объявивший, что третий, последний день литературного фестиваля завершен.

«Хвала небесам», – подумал Минаков, который терпеть не мог писательские сборища, но исправно посещал их во имя статуса и бесплатной выпивки.

Протиснувшись сквозь завистливо-восхищенные взоры, он сел за свой столик и махом выпил бокал невкусного коктейля.

Впереди его ждала еще одна ночь в безликой гостинице, утреннее похмелье и поезд домой, к надоевшей жене.

– Ну, умеешь, брат, умеешь! – гулко похвалил его Рокотов, неприятный, но солидный детский писатель.

С тех пор как Минаков из юного красавца-поэта превратился в респектабельного, обласканного критикой молодого прозаика, он пил только с признанными литераторами. И не его вина, что все признанные оказывались редкими мерзавцами. К тридцати пяти Минаков обзавелся премиями и брюшком и на себя прошлого смотрел так же снисходительно, как на всех начинающих творцов.

– Давай за качественную литературу, – сказал Рокотов, пододвигая Глебу стопку водки. Висящая на локте детского писателя похожая на лемура поэтесса Лерочка поинтересовалась:

– Над чем вы сейчас работаете, Глеб Юрьич?

«Над разводом», – подумал писатель.

– Над сборником рассказов о войне, – соврал он вслух и обвел взглядом клуб.

Публика постепенно редела, оставались лишь самые стойкие любители литературы, чьи организмы еще выдерживали третий день пьянства. Он искал рыжую деваху, которая в течение всего вечера кокетливо поглядывала в его сторону, прижимая к внушительной груди экземпляр «Рабов». Но рыжая, видимо, удовлетворилась автографом и покинула клуб. Сделать минет любимому писателю в этой дыре не считалось хорошим тоном.

Минаков выругался про себя и потянулся к очередной стопке, но его рука замерла на полпути.

За столиком напротив сидела худенькая блондинка в черной кофточке с блестками и черной же кожаной юбке, и эта блондинка не сводила с писателя глаз.

«Так-так-так, – немедленно заинтересовался Минаков. – Кто это тут у нас?»

В своей жизни он больше всего любил три вещи, и литература в тройку не входила. Еда, выпивка и женщины – вот что приносило ему удовольствие. Еда – жирная и острая. Выпивка – любая. И женщины тоже любые. Он не перебирал харчами.

Девушка за столиком напротив смотрела, не отрываясь, уцепившись за него зрачками, как гарпунами. Лицо узкое, скуластое, светлые прямые волосы обрезаны у костлявых ключиц. Минаков предпочитал барышень с формами, а блондинка была худой, даже чересчур, свободная ткань кофточки не выдавала никаких округлостей. Зато ее ноги были стройными и длинными, и поблизости не наблюдалось других красоток, готовых дать популярному автору.

– Прости, – прервал Минаков болтовню Рокотова. – Увидел знакомую, пойду пообщаюсь с ней.

– Ага, давай. У нас с Лерочкой через час поезд. Ты завтра уезжаешь, да? Ну тогда до следующего фестиваля. Давай на коня.

Минаков торопливо выпил и, поправляя волосы, направился к блондинке.

– Не помешаю?

Вблизи блондинка показалась старше – лет тридцати или около того. Ее глаза были карими, неожиданно темными. Обильно подведенные голубыми тенями, они выделялись на бледном лице.

– Понимаете, я там сидел с коллегами-графоманами, слушал их невыносимый поток сознания и мечтал увидеть хоть одного красивого человека. Понимаете, я три дня не видел ни одного красивого человека, и мое чувство прекрасного совсем исстрадалось. А тут появились вы. И я просто хотел поблагодарить вас. Честное слово, во мне бы что-то умерло, если бы не вы.

Минаков замолчал. Его речь не вызвала у девушки никаких эмоций. Если бы она не смотрела прямо на него, можно было бы подумать, что она его игнорирует. Минаков хотел уже извиниться и уйти, но тонкие губы блондинки дрогнули, и она широко улыбнулась. Будто чудесным образом ожила античная статуя. Улыбка писателю понравилась. Да и сама девица была бы ничего, если бы не бледность и перебор с тенями. Черты тонкие, брови красивой формы и нос. Она подошла бы на роль древнеримской богини. Не Венера, конечно, но вполне себе охотница Диана.

– Спасибо-спасибо. Рада, что спасла вас.

Она говорила быстро и негромко.

– Я был на волоске от смерти. Вы не представляете, какими ужасными могут быть братья по перу.

– Догадываюсь.

– Глеб Минаков.

Он протянул ей руку, она ответила скованным движением тонкой кисти. Улыбка держалась на ее губах, подбадривая его. Минаков поцеловал холодную, почти прозрачную кожу руки, отмечая, что его новая знакомая грызет ногти. Его это, впрочем, нисколько не покорило. Он сам грыз ногти, работая над романом.

– Я знаю, кто вы.

«Это плюс», – подумал он самодовольно.

– А я вот, к своему стыду, вас не знаю.

– Нина.

– Очень красивое имя. Что ж, Нина, и каким образом мы с вами будем переходить на «ты»? Вино, коньяк?

– Предпочту коньяк.

– Прекрасно.

К тому времени, как официантка принесла бутылку «Арарата» и колу, литераторы освободили соседние столики, их место заняли обычные завсегдатаи клуба. Грянул оглушительно драм-энд-басс.

– Как тебе вечер? Впервые на фестивале?

– Нет. В прошлом году была здесь.

Она сделала неловкий жест кистью, словно отгоняла невидимую муху, и, застеснявшись собственной руки, потупилась.

– Ты местная? Как же я сразу не догадался! Только вблизи моря появляются такие нимфы.

Размягченный алкоголем, он изрекал недопустимые банальности, но не мог остановиться.

– Ты сама пишешь? Ставлю сотню, что ты поэтесса.

– Ошибся. Я медсестра.

– Одно другому не мешает.

– Но я не пишу. Я читаю.

– В наше время это редкость. Один читатель на легион писателей. За настоящего, чистого читателя!

Он выпил, не сводя с нее глаз, прощупывая ее: опьянела ли? Но она оставалась трезвой, скованной... и улыбчивой.

«Ладно-ладно», – он заново наполнил бокалы.

– Мой муж был писателем, – сказала она. Глаза ее погрузстнели, затуманились, но через миг она вновь сверкала аккуратными зубками.

– Был? Он что...

Она нервно потрянула волосами.

– Да, умер полтора года назад. Обширное кровоизлияние в мозг. Он был хирургом. Закончил оперировать пациента, сел на кушетку и умер.

– На самом деле нехудший вариант. Спасти кому-то жизнь и... – Минаков подумал, что пора сворачивать с этой темы, и спросил: – Как фамилия твоего мужа? Может быть, я читал его?

– Нет, – усмехнулась Нина. – Он не печатался. То, что он писал, было только для меня. Ну а ты женат?

Врать не имело смысла – его биография с указанным семейным статусом печаталась на обороте книги. Он и не соврал:

– В состоянии развода. Собственно, послезавтра идем в ЗАГС. Как говорится, все что ни делается...

Они допивали коньяк уже хорошими знакомыми, которым есть о чем поговорить.

Когда Глеб предложил прогуляться, она согласилась, но попросила подождать ее на улице. Он взял бокал пива и вывалился из клуба, расталкивая молодежь.

Время приближалось к полуночи, курортный город не собирался спать. Многочисленные парочки бродили вдоль аллеи с пальмами, музыка из ресторанов сливалась в какофонию, и летние звезды цвели огромными гроздьями.

– Это же тот писатель, – донесся обрывок разговора. – Я видела его на ток-шоу...

Минаков сделал вид, что не услышал, но про себя довольно крикнул. Почему бы и не быть довольным? Послезавтра он освободится от семейных уз, глупой ошибки длиной в семь лет. А дальше – свобода, новые романы, возможно, экранизация «Рабов»...

Впервые за долгое время он почувствовал то, что обычно именуется «вдохновением». Курортный город не спал, и он тоже не собирался спать.

Нина эта слегка странная, но странные девочки быстрее дают писателям. Это было бы идеальным окончанием фестиваля.

Он успел допить пиво прежде, чем Нина вышла из клуба. Она обновила макияж, но стала еще бледнее. Улыбка диссонировала с тяжелым, трезвым, чересчур серьезным взглядом.

«Может быть, это ее первое общение с мужчиной после смерти мужа?» – предположил Минаков.

Нина шагнула к нему, прижалась к его груди и неожиданно рассмеялась. Смех был резкий и немного искусственный.

– В чем дело, Ниночка?

– Вспомнила, как увидела тебя впервые в прошлом году.

– О, это было ужасно! – Он закатил глаза и скорчил пьяную гримасу. – Я же едва на ногах держался, скандал закатил на сцене.

– И все-таки я подумала тогда...

– Что подумала?

– Что я должна прочитать твою книгу. Что это то, о чем говорил мой муж. Книга, которую надо читать.

– Что же еще делать с книгами? – хохотнул Глеб, ненавязчиво поглаживая Нину по спине. От застешки бюстгалтера вниз, к талии, потом вверх, под волосы. Рука мягко массировала женскую шею.

Нина отпрянула со ставшей уже традиционной резкостью и по-кошачьи мяукнула. Это должно было символизировать флирт, но на деле прозвучало диковато.

– Не все, – сказала она.

– А? Ты о чем?

– Не все книги надо читать. Только важные.

– Как же узнать, важная книга или нет, если не дочитать ее до конца?

– Можно узнать. Муж научил меня. Пошли к морю.

Она схватила писателя за руку и потащила через толпу, то и дело оглядываясь на него. В ее огромных, узурпировавших всю власть на бледном лице глазах сверкали отражения неоновых реклам, рот растягивался в улыбке.

Попадавшихся на пути людей она отпихивала свободной рукой, и Минакову, плывшему за ней в алкогольном тумане, казалось, что она продолжает тихо мяукать.

«Странные все же женщины интересуются литературой, – думал он. – Нормальные бабы должны любить деньги, а не это скопление строк и слов».

– Не так быстро, – попросил он.

Впереди темное ночное море сливалось с ночным небом, делясь между собой звездами и кораблями.

– Постоим на пляже, – то ли попросила, то ли приказала она. И добавила почти испуганно, когда у него в кармане зазвонил телефон: – Не отвечай!

– Слушай, – раздраженно произнес Минаков, вытаскивая мобилку, – не гони лошадей. Я успею и ответить на звонок, и постоять с тобой.

Длинные ноги и маленькие причуды – это, конечно, хорошо, но он терпеть не мог, когда женщина начинала им командовать.

– Алло.

Звонил организатор фестиваля узнать, всем ли довольна звезда и не желает ли продолжить ночные посиделки в ресторане. Звезда соврала, что уже в отеле и готовится ко

сну. Когда занудливый организатор наконец отключился, Глеб обнаружил, что стоит на проспекте один.

«Мать твою, – подумал он, вертя головой. – Если эта дурочка смылась, придется действительно возвращаться в паршивый отель».

Яркий свет фонарей и рекламы не дотягивался своими электрическими лапками до пляжа, и в темноте у самого моря писатель различил одинокую фигурку. Он перепрыгнул через парапет, захрустел по мокрому песку туфлями. Из полумрака выплыли очертания Нины. Она стояла, обхватив руками плечи, и морской бриз развеивал ее волосы.

– А вот и беглянка...

Минаков осекся, услышав, что Нина бормочет что-то, будто молится набегающим волнам. Он поравнялся с ней у черты прибоя и прислушался.

– Перед глазами, после долгих километров бурого гравия, наконец-то возник неровно очерченный, словно первый шаг ребенка, край горизонта. Цвет хлынул на меня и сшиб с ног, я лишь отупело смотрел вдаль, едва различая, как полоса насыщенно синего сменяла голубоватый, а затем глубоко зеленый. Я бросился вперед, снимая на ходу шарф, стягивая перчатки и расшнуровывая ботинки, чтобы вобрать через поры холод и соль декабрьского моря. Вдруг вода забултыхала: на водной глади появлялись пузырьки воздуха, громко лопааясь и отдавая серой. Я отступил. В голове щелкнуло, и я уже представлял себе обнаженную деву, которая выйдет из утренней пены и пропоет сладким голосом оду любви. Я замер в ожидании и каком-то сладостном предвкушении – наверное, так ждут смерти, опасаясь и одновременно наслаждаясь.

Сквозь морок водки, пива, коньяка и коктейлей Минаков попытался вспомнить, где он слышал этот отрывок раньше.

– Это же... Вот черт...

Да, он вспомнил. Он не просто слышал – он сам написал то, что читала Нина наизусть.

– Это же из моих «Рабов». Слово в слово. Как ты это запомнила?

– У меня хорошая память, – улыбнулась она широко. – Я знаю твой роман от первой до последней буквы.

Минаков взглянул в ее глаза изумленно и понял, что она не врет. Весь роман на память. Триста сорок три страницы.

Легкое беспокойство закралось в душу писателя.

– Сколько же раз нужно было прочитать его?..

– Один. Всего один раз. Я никогда не перечитываю. Я знаю на память все книги, которые прочла.

– Ты разыгрываешь меня.

Она прикрыла веки и продекламировала:

– Полчаса спустя солнце выглянуло из-за туч, и на подъездной аллее у дома Гэтсби показался автофургон с провизией для слуг – хозяин, я был уверен, и куса не проглотил бы. В верхнем этаже горничная стала открывать окна... Она поочередно показывалась в каждом из них, а дойдя до большого фонаря в центре, высунулась наружу и задумчиво сплюнула в сад. Пора было возвращаться. Пока вокруг шумел дождь, я как будто слышал в гостинной их голоса, то ровные, то вдруг повышающиеся в порыве волнения... Но сейчас, когда все стихло, мне казалось, что и там наступила тишина.

Минаков слушал, затаив дыхание.

– Это Фицджеральд, – закончила Нина все с той же улыбкой, – «Великий Гэтсби»¹.

Глеб, к его стыду, не читал Фицджеральда, но у него не было повода сомневаться, что он услышал только что отрывок из «Гэтсби».

¹ Текст цитируется в переводе Е. Калашниковой.

– Ты же уникам! – воскликнул он искренне. – И ты работаешь медсестрой с таким талантом? Ты могла бы зарабатывать на этом большие деньги, например...

Нина перебила писателя, неуклюже сунувшись в его объятия и впечатывая свои губы в его раскрывшийся от удивления рот. Удивление сменилось страстью, когда их языки соединились. Нина целовалась так же по-детски, как двигалась, но ее открытость распалила Глеба. Его руки уже тискали маленькие, немного костлявые ягодички девушки. Сначала сквозь юбку, потом – сквозь трусики танга, наконец, под ними. Его ладони деловито сдавливали прохладную плоть.

Нина не останавливала писателя, тычась, как котенок, губами в его губы.

Он прижал ее к себе крепко, так, чтоб она могла ощущать его эрекцию. Пальцы скользили между ее ног сзади, в жесткие волосы, в поисках влажного тепла. Однако там было очень сухо и так же прохладно. Сквозь возбуждение Глеб отметил, что ни дыхание девушки, ни ее пульс не сбились, как должно было быть.

– Все в порядке? – спросил он, отстраняясь.

– Да-да, конечно, – она сосредоточенно почесала горло.

– Я делаю что-то не так?

– Все так, – Нина улыбнулась, подтверждая свои слова. Ногтями она продолжала чесать шею.

Он затоптался на месте, чувствуя себя не в своей тарелке. Ночью, на пляже, с этой странной девицей, с полнометражной эрекцией в штанах.

– Я бы, пожалуй, выпил еще, – сказал он досадливо.

Нина энергично царапала ногтями свою кожу и улыбалась.

– Комары, – пояснила она.

– Ну хватит, – он не грубо, но настойчиво отвел ее руку от шеи.

Она смотрела на него отрешенно, не забывая улыбаться.

«А не вколола ли она себе что-то, пока была в туалете?» – спросил себя Глеб, присматриваясь к зрачкам Нины. Он неплохо разбирался в наркотиках и реакции на них. Изучал эту тему, пока работал над первым романом. Нет, непохоже, что Нина под кайфом. Скорее просто коньяк.

Нина находилась в ступоре полминуты и так же резко вышла из него:

– Я бы тоже выпила.

– Ну да...

– У меня дома вино. Это в пятнадцати минутах ходьбы. Пойдем.

И она положила ладонь на его промежность.

«Ты странная, но сегодня я тебя трахну», – пообещал ей мысленно Минаков.

И она вновь повела его за руку – через бессонный приморский проспект, по взбирающимся в гору улочкам. Едва они отошли от центра города, как попали в соответствующую времени суток тишину. Курортники остались позади, редкие фонари слабо освещали безлюдную дорогу. Нина стала вести себя спокойно, как в начале их знакомства, наладившийся диалог вновь вертелся вокруг литературы. Минаков решил, что ночной воздух протрезвил ее; его он точно протрезвил.

– Ты живешь одна? – спросил он, запыхавшийся от долгого подъема вверх. Прогулки по этому городу напоминали альпинизм.

– Одна. Детей у нас не было. Дети нас мало интересовали, понимаешь? У нас были книги.

– Я тоже считаю, что книги лучше детей, – поддержал Глеб. – Могу признаться тебе, как поклоннице номер один. Когда я писал «Рабов», я...

Он замолчал, увидев, что спутница остановилась. Перед ними, в низине, раскинулся частный дом времен, кажется, Чехова. Стены его едва виднелись сквозь заросли сирени.

– Послушай, – сказала Нина медленно, будто тщательно подбирала слова. – Я вовсе не твоя поклонница.

– Нет? – шутливо вскинул он брови.

– Нет. Твой роман, «Рабы»... в нем слишком много слюны.

– Слюны? – Удивление стало не наигранным.

– Да. Много слюны и спермы. – Ее правильный римский носик сморщился. – Много мужского запаха. Не самого мужчины – его там нет, а именно запаха. Старых трусов, пота, несвежего дыхания. И слюна, она висит на каждой строчке жемчужными ниточками. Ты не обижайся, хорошо?

– Хорошо, – оторопело повторил он.

– И там слишком много тебя, понимаешь? Ты выводешь на сцену персонажа, этого Фому, но вместо него ты постоянно суешь себя. А ты не интересен читателям. Ты только рассказчик, да? Ты должен рассказывать, а не падать на слушателя огромным пахнущим телом. Куда ни сунься, слюна, да?

– Продолжай, – с энтузиазмом закивал Глеб. Удивление сменилось в нем весельем, саркастическая ухмылка заиграла на губах. В дилемме «плакать или смеяться» он выбрал последнее. Ведь это правда происходило: шизоватая пьяная медсестра критиковала его роман, получивший четыре международных премии, переведенный на шесть языков (и это только начало!), ждущий скорой экранизации... Она говорила ему в лоб о недостатках того, к чему ни она, ни ее покойный бесталанный докторишка и на милую не приблизились бы! И пускай он не помнил наизусть ни одного стихотворения (даже своих, юношеских), а она вызубрила всего Фицджеральда (тоже мне величина!), она не имела никакого права!

Но Минаков сдержался. Подавил справедливый гнев. Он мог бы отвесить ей оплеуху, наорать и вернуться в отель. Но существовала другая возможность. Промолчать. Проглотить. Поиметь ее. А уж потом высказать все, что накопилось в душе за время вынужденного общения с этой дурой.

– Все так плохо? – заискивающим тоном спросил он.

Получилось реалистично.

– Ну не знаю, – вздохнула она серьезно. – Возможно, хорошее редактирование помогло бы. Если выбросить все лишнее, возможно...

Минаков скрипнул зубами и сказал приветливо:

– Я рад, что ты так искренна со мной. Я это очень ценю, правда.

Она не заметила подвоха и застеснялась.

– Мне приятно помочь тебе. Ну чего же мы стоим?

«И верно, чего же? – хмыкнул он про себя. – Чем скорее я кончу, тем скорее объясню тебе, как это плохо – хамить известным писателям».

Нина побежала к дому по каменным ступенькам. Минаков – за ней, полный злого азарта. Вопреки всему, заявление девушки не убило в нем сексуальную тягу, а лишь распалило ее.

Сегодня он будет жестким, быстрым и грубым.

Обстановка в доме Нины заставила Глеба вспомнить о квартире своей бабушки-долгожительницы. Дряхлая венгерская мебель, телевизор «Электрон», накрытый накрахмаленной салфеткой, искусственные цветы в вазах. На стене – черно-белые фотографии и вышитое панно с оленями. Ужасная ковровая дорожка под ногами – как без нее. Минаков прогулялся мимо серванта, разглядывая с отвращением выставку пыльного хрусталя и фарфоровых зверушек.

Это не было похоже ни на жилье хирурга, ни на обитель молодой женщины.

И вдруг он понял, почему не уходит, почему игнорирует звоночки, сигнализирующие о явной ненормальности блондинки.

Она заводила его. Ее странность притягивала. Ее хотелось ударить и трахнуть одновременно.

И – да, из нее выйдет неплохой персонаж для будущей книги.

– Здесь ничего не изменилось после смерти мужа, – сказала Нина, входя в комнату с двумя бокалами вина. – Он вел аскетический образ жизни. Ненавидел роскошь.

Глеб взял бокал, осмотрел его придирчиво. Бокал был чистым, и он сделал один осторожный глоток и еще два жадных.

– А где же книги? – спросил он, отрываясь от вина.

– Я не держу дома книг. Они все здесь. – Нина коснулась виска.

– Ах, ну да.

– Вот он, мой муж.

Минаков покосился на фотографию, запечатлевшую пожилого мужчину, похожего на старичка-геолога. Понятно, почему у них не было детей.

– Он выглядит взрослым.

Нина проигнорировала его замечание. С трепетом в голосе она сказала:

– Он научил меня всему, что я знаю. Представляешь, до встречи с ним я не любила читать. Я не прочла по-настоящему ни одной книги. Он привил мне любовь к чтению. Показал, как это важно. Важнее всего на свете. И он научил меня находить главные книги. И запоминать прочитанное.

– Ты имеешь в виду наизусть? Он научил тебя заучивать книги? Как Фицджеральда?

Минаков заглянул в карие, обведенные голубой тушью глаза Нины. Что-то щелкнуло в его голове. Он спросил вкрадчиво:

– Он заставлял тебя зубрить их?

– Ты не понимаешь, – улыбнулась она. – Я помогала ему создавать его роман. То, чему я научилась, стало основой его метода. Он называл это метод сборки. Ты спрашивал меня, как отличить важную книгу от той, которую не стоит читать. Я научилась отличать пальцами. Я просто касалась обложки и чувствовала или не чувствовала. Вспышка, понимаешь. Здесь, в затылке. Если ее нет, значит, нет никакой книги, значит, это просто страницы с глупыми буквами. Но если есть вспышка и разноцветные огни, получается, ты нашел главное.

– Прости, но это звучит как бред, – сказал Минаков.

– Вовсе не бред, – с жаром выпалила она. – Сколько книг ты прочитал?

– Много. Сотни или тысячи. Не знаю.

– А я прочитала тридцать девять книг. Но все они были настоящими. Там было *слово*. Ты знаешь про *слово*?

– Просвети, будь любезна.

– В каждой важной книге есть одно-единственное *слово*. Обычно его не замечают. Оно затеряно среди других слов. Даже автор может не знать о его предназначении, но он вставляет его подсознательно в свою книгу. Оно светится, надо только уметь видеть это. Оно не похоже на слова рядом. Даже если это слово «я» среди множества «я» в романе, оно другое. Будто набрано отличающимся шрифтом.

Минаков, до этого момента пытавшийся вникнуть в мысли Нины, расслабился, сообразив, что девушка абсолютно не в ладах с головой, и, скорее всего, причины этому следует искать в пожилом враче с фотографии.

– Это очень любопытно, – сказал он, допивая вино.

Он поставил пустой бокал на сервант и отобрал у Нины ее бокал, к которому она так и не притронулась. Его руки легли на плечи блондинки, недвусмысленно массируя их. Но она не замечала прикосновений. Вперившись в пустоту, она продолжала быстро говорить:

– Я читала книги и находила слова для Игоря, а он собирал из них свой роман. Метод сборки. Роман, составленный из самых важных слов. Игорь так гордился им, он никогда не

упоминал, что я причастна к написанию, что я являюсь частью процесса. Я его очень любила, но я сердилась, я хотела, чтобы он понял, что без меня он не смог бы... А когда он умер, не дописав, я решила продолжить, закончить труд его жизни. И... я покажу тебе! Я покажу.

Она выпуталась из его объятий и быстрым движением сорвала с себя кофточку.

Кровь стала приливать к члену Минакова, когда он увидел маленькую грудь в черном бюстгальтере. Кровь отхлынула, когда он опустил взгляд ниже.

Все тело Нины, от чашечек лифчика до пояса юбки, было испещрено шрамами. Они расположились так плотно, что кожа девушки превратилась в подобие шершавой древесной коры. По этим рубцам можно было изучать хронологию боли: цвета чайной розы на ребрах, переходящие от бледно-лилового к багровому на животе.

Рубцы сливались в буквы. Буквы – в слова. Тот, кто вырезал их, старался, чтобы текст можно было легко прочитать.

Минакову не хотелось читать, но, прикипев к жуткой картине взглядом, он увидел, что слова расположены в хаотичной последовательности, и если в написанном есть логика, то доступна она лишь психопату, их создавшему.

– Боже мой, мне жаль, – выдавил из себя Минаков.

Но Нина не нуждалась в жалости. Она провела пальцами по шрамам и сказала ласково:

– Вот она, незаконченная книга моего мужа. Тридцать девять слов.

«Пора сваливать», – отчетливо сказал Минакову внутренний голос.

Он понял это и без подсказок.

– Так, прости, дорогуша, но мне надо домой. Поезд уходит рано утром, и я не хотел бы опоздать.

Он бросился к выходу мимо застывшей Нины. Она не остановила его, продолжая пялиться в никуда лихорадочно сверкающими глазами.

– Извини, но это чересчур, – бормотал он, обуваясь. – Слишком яркое окончание фестиваля.

Его голова кружилась, и шнурки выскальзывали. Кое-как скрепив их узлом, он выскочил из дома несчастной искалеченной женщины.

Южная ночь встретила его приветливым треском цикад и низкими звездами. Через пятнадцать минут он будет в центре, откуда такси повезет его в отель. Сегодня он вряд ли уснет, ничего, отоспится в поезде. А послезавтра начнется новая глава его жизни.

Воздух вокруг был пропитан запахом сирени, и он хотел вдохнуть его, но легкие сжались до размеров крошечных мешочков. Голова шла кругом, и круги расходились перед глазами. Он сделал шаг, но нога подломилась, он попытался ухватиться за ствол дерева, но промахнулся. Тело грузно рухнуло на плитку Нинино двора. Гаснущее сознание подарило ему последнюю мысль: «Это вовсе не наркотики. Это называется маниакально-депрессивный психоз».

Если бы Глебу Минакову рассказали о персонаже, который очнулся голым, привязанным кожаными ремнями к железному столу (узкая комната, холодный свет ламп, набор хирургических инструментов на столике поменьше), он бы скривился: «Какой ужасный штамп! Мы говорим о литературе или о фильме „Пила-7“?»

Штамп или нет, но сегодня Минаков был этим самым персонажем. На столе, голый, обездвиженный, в комнате с больничным светом и переливающимися скальпелями.

И Нина, одетая лишь в черный бюстгальтер и кожаную юбку, стояла у его ног, почти красивая. Вот такое вышло свидание. Лобовая встреча писателя с читателем. Медсестра и автор популярных романов. Энни Уилкс и, мать его, Джеймс Каан.

Минаков, конечно же, закричал, а Нина, безусловно, сказала, что его все равно никто не услышит. Дом находится в низине, с природной звукоизоляцией и всеми удобствами для начинающего маньяка.

– Чего ты хочешь, больная дрянь?

Он не удивился бы, если бы она сказала: «Напиши для меня еще один роман про Мизери, Пол!» Но ответ был другим:

– Я хочу помочь тебе. Исправить твою книжку.

– Мою книжку? О чем ты, черт возьми?

Нина вздохнула и подняла руки к лицу. Она засунула пальцы себе в рот и вытащила оттуда передние зубы. Под протезом розовели голые десны. Она широко улыбнулась.

– Видис? Я не любила ситать. Муз наусил меня. Ему прислось повозиться, презде чем я полюбила.

– Господи, – простонал Минаков.

Нина вернула протез в рот, но демонстрация последствий педагогического метода ее мужа на этом не закончилась. Она подняла чашечки лифчика, демонстрируя писателю голую грудь. Грудь была маленькая, соски – неаккуратно срезаны, на их месте остались вдавленные шрамы.

Минаков задержался, но ремни крепко держали его.

– Муж научил запоминать, – сказала Нина, пряча изувеченную грудь. Она повернулась к столику с инструментами и взяла скальпель.

– Прошу! – завопил Минаков.

– Боль, – произнесла Нина, улыбаясь, – учит.

Глеб, задыхаясь, смотрел, как она подносит скальпель к его обнаженному паху. Член сжался, тщетно пытаясь втянуться в тело.

– Я прошу, я заплачу тебе, – затараторил Минаков. – Я могу помочь, найти хороших врачей. Ты не виновата, это все твой муж. Ты должна понять, что его больше нет, ты свободна, ты...

Она коснулась скальпелем его лобка, будто намеревалась побрить. Ее бледное лицо было сосредоточенным, глаза – остекленевшими. Минаков понял, что ни угрозы, ни убеждения не остановят ее.

Лезвие скользнуло по лобку, обжигая. Кожа медленно расплылась в стороны, раскрылась, как лепестки цветка, явив белую с желтым оттенком жировую прослойку. Тонкие горячие струйки потекли в пах.

– Я думала, что смогу закончить роман без Игоря, – тихо сказала Нина, не обращая внимания на вопли писателя. – Ведь я делала все это раньше. Находила особенную книгу и особенное слово. А Игорь только вставлял его в текст. Я бы сама могла вставить.

Она провела лезвие вниз, чертя вертикальную линию на основании его сморщившегося члена, параллельно вздувшейся дорсальной вене. Моча шумно потекла по столу. Нина прервалась и продолжила вновь, когда поток иссяк.

– Не надо, не надо, Боженька, не надо, – бился в судорогах писатель. Слюна летела из его рта, зрачки закатились под веки, и пальцы сжимались, мечтая добраться до глотки медсестры.

– Я увидела тебя на прошлом фестивале, – отрешенно рассказывала Нина. – Я решила, что ты – настоящий. Я дотронулась до твоей книги. Вспышка была. И вспышка, и разноцветные огни. Я стала читать.

Она скорбно покачала головой:

– Я ошиблась. Я думала, что найду сороковое слово, но в твоём романе его не было. Там не было ничего. Огни меня обманули. Огни не работали без Игоря. Пустая, мучительно пустая и ничтожная книжонка.

Лезвие медленно достигло головки. В рывке, которое оно оставило, набухали икринки крови. Потом, словно змея, пенис сбросил кожу. Внутри он оказался кричаще-красным, с белыми пятнами и розовыми прожилками. Сквозь железнную плоть просвечивалось что-то похожее на фиолетовую трубку.

Нина вытерла пот, вздохнула и аккуратно разрезала головку. Теперь рана рассекала пенис пополам. Из огибающей вены струйкой хлестала кровь, раздвоившаяся головка лилась алой мочой.

Минаков отрывисто выль в потолок.

– Теперь ты понимаешь, что такое боль, – сказала Нина. – Но ты никогда не поймешь, каково это – читать пустоту, искать большое и не находить его. Подавиться пустотой, рыгать ею, чувствовать, что теперь она навсегда внутри, рядом с великим, как опухоль. Во всей твоей книге нет ни одного слова, которое бы сделало мне больно. И самое страшное, что я не могу ее забыть.

Минаков поднял к Нине белое, перекошенное страданием лицо. Пена пузырилась на его губах, когда он прохрипел отчаянно:

– Прости меня!

– Я не сержусь, – улыбнулась Нина. – Я хочу помочь тебе. Может быть, вместе мы сможем сделать твою книгу лучше. Может быть, мы поработаем над ней и найдем настоящее слово где-то внутри? Кто знает.

Скальпель перешел к яичкам.

Через некоторое время Минакову удалось потерять сознание.

Нина продолжала редактировать.

Маньяк № 2

Андрей Сенников

Прямо в темноту

*Иисус Христос пришел в этот мир, дабы спасти грешников,
среди коих я – самый страшный.
Джеффри Дамер*

Мертвые – не выбирают.

Это дар Бога живым.

«Вот, Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, и дабы жил ты».

Это свобода и... ответственность. Поэтому я не собираюсь что-то оправдывать, объяснять, произносить нравоучение, нет. Только рассказать.

Тот апрель выдался теплым. Снег сошел рано, и земля нежилась в солнечных лучах, потягиваясь к небу молодой порослью, яркой, свежей, словно сама природа готовилась к светлому празднику Воскресения Христова. Редкие облачка, прозрачные и невесомые, как пух, неспешно проплывали в ясном небе, солнышко «играло».

В ночь с предпасхальной субботы, после крестного хода, когда он протягивал настоятелю Свято-Сергиевской церкви кадило, а потом вместе со всеми запел радостный пасхальный тропарь: *«Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»*, – так вот, в это самое время трое молодых подонков совершали насилие над его пятнадцатилетней дочерью в заброшенном доме на южной окраине Сутеми.

В конце утрени, когда отец настоятель читал «Огласительное слово святителя Иоанна Златоуста», провозглашая вечную победу Христа над смертью и адом: *«Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа? Воскресе Христос, и ты низверглся еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются ангели. Воскресе Христос, и жизнь жительствует. Воскресе Христос, и мертвый не един во гробе»*, – насильники продолжали свое дело, а девушка перестала сопротивляться. Четвертый, которому через две недели исполнялось четырнадцать лет, снимал происходящее на камеру мобильного телефона.

Это продолжалось и продолжалось.

Жертву перетаскивали из комнаты в комнату, из комнаты в кухню, из кухни в сени и обратно. Крошечный глазок камеры следовал за нею повсюду, пока в телефоне не сел аккумулятор.

Под утро насильники утомились, забава им наскучила, и они оставили истерзанное тело. Самому старшему шел двадцать второй год. Двумя часами позже девушка смогла выползти на дорогу, где ее и подобрал патруль ППС.

Сутемь содрогнулась.

Под пасхальный перезвон двухсоттысячный городок окунулся в тягостный, леденящий кровь кошмар слухов, сплетен, пересудов и недолгого судебного разбирательства, в котором потерпевшей оказалась дочь диакона Свято-Сергиевской церкви, отца Василия Скородомского. Казалось, люди ждали знака свыше, грома небесного, наказания Господнего, знаменения...

Но был только суд.

Диакон редко виделся с семьей. Когда-то давно, когда он принял решение посвятить остаток своей жизни служению, мать его дочери наотрез отказалась становиться матушкой.

«Ты все время прячешься от жизни! – заявила она. – Двадцать лет ты прятался от нее в армии, а теперь решил перебраться под крылышко церкви. Я – не хочу! Хватит с меня уставов!» Он понимал ее. Она не была злой или дурной женщиной, но натура ее – суетная и мирская – не терпела каких-либо сдерживающих рамок. Они тихо развелись до его рукоположения в сан. Бывшая жена контактам с дочерью не препятствовала, но и не поощряла. Для нее он почти перестал существовать, вплоть до этого дня боли и скорби.

«Ну и где Он был, твой Бог?! – кричала она в больнице, куда доставили их девочку, заламывая руки и расталкивая медсестер. – Где Он был, я тебя спрашиваю?! Будь ты проклят! Будьте вы оба прокляты!»

Потом она обмякла и тихо заплакала. Ее усадили на кушетку в больничном коридоре, и он, высокий, широкоплечий, с мертвенно-бледным лицом и глубоко запавшими глазами, немного нескладный в своей черной рясе и взъерошенный, словно ворон на колокольне, молча стоял рядом и гладил женщину по голове.

Она не была злой. Он мог бы сказать ей, что Господь каждый день и час стучит в сердце каждого человека, призывая принять дар жизни полной мерой, против смерти и зла, отринуть от себя вражду, пристрастия, себялюбие и еще многое. Но Он никогда не войдет силой, уважая человеческую свободу, которую даровал Сам. Он будет стучать вновь и вновь, ожидая, когда отворит Ему человек, вольный в выборе своем.

Да, он мог бы все это сказать, но там, у постели истерзанного ребенка, было не место и не время. Скучно и тускло поблескивал серый линолеум, визгливо скрипели колесики каталок, буднично бубнили в приемном покое, пахло карболкой, нашатырем и казенным дерматином обивки на кушетках. Он задыхался. Его родительский гнев, глубокое отвращение мужского начала к насилию над женщиной, ужас и кошунственность содеянного людьми пронизали не только сознание, но и каждую клеточку тела, задевали каждый нерв и душили, душили...

Преступников схватили очень быстро. Они и не думали скрываться. «Все по согласию» – такова была их версия.

На суде диакон Василий не следил за ходом разбирательства. Не мог. Он беспрестанно молил Бога даровать насильникам прощение. У него на это не хватало сил, как и на подробности дела: кто, как, почему, зачем? Скованный внутренним холодом, он смотрел на скамью подсудимых в беспрестанных попытках понять. Ведь и в их сердца стучит Господь, к ним обращается с призывом. Как можно простить того, кто даже не осознает своей вины?

Они вели себя очень дерзко. Перемигивались, посмеивались, отпускали скабрезные комментарии, пока судья не пригрозила удалением из зала и продолжением разбирательства в отсутствие обвиняемых. Адвокат не протестовал. Те немногие слова, сказанные им за время разбирательства, проскальзывали почти не замеченными никем, кроме судебного секретаря, словно засаленные от частого употребления в процессуальной процедуре. Солнечный свет лился из зарешеченных окон, в косых лучах плавали пылинки, буднично, неспешно. Отец Василий поймал взгляд одного из обвиняемых...

И отшатнулся, пальцы пронизала дрожь. Он глубже просунул руки в рукава рясы.

Глаза молодого человека были пусты.

В них не было печати порока, страха перед наказанием, злобы на притесняющих его. В них не плескалось отчаяние от невозможности исправить содеянное. Проблески сострадания, мерцание Божьей искры, казалось, погасли навсегда. Но в глазах этих не было тьмы и зарева сатанинского огня, словно сам ад отвернулся от него. Зеркала души не отражали ничего, как будто сама душа этого человека отсутствовала в теле.

Взгляд диакона заметался от одного лица к другому, ногти вонзились в предплечья, но он не чувствовал боли. Несколько долгих минут спустя отец Василий обессиленно обмяк в кресле и зажмурился. Глаза подсудимых походили друг на друга, как стеклянные бусины

на нитке. «Тело, разобщенное с душой – лишь мертвая плоть, – подумал диакон заученно, а потом мысль эта отозвалась в сердце с силой громового раската. – Мертвая плоть... мертвая плоть... мертвая».

Он пришел в себя на чтении приговора.

Старший из преступников получил восемь лет строгого режима, еще двое – семь и пять лет. Подростка приговорили к трем годам условно с отсрочкой приговора до достижения им четырнадцатилетнего возраста. Суд постановил взыскать с обвиняемых материальное возмещение причиненного ущерба здоровью и морального вреда в пользу потерпевшей в размере шестидесяти пяти тысяч рублей. Сотовый телефон, на камеру которого снималось преступление, был возвращен владельцу – условно осужденному подростку. Запись, естественно, была удалена...

«Это тебе на память», – сказал кто-то из старших осужденных и ухмыльнулся.

Отец Василий вздрогнул. Он знал жестокосердных и некогда сам крепил сердце и черствел душой, чтобы сохранить рассудок, но это... И много дней спустя тревожила диакона жадная, сосущая пустота в глазах-шариках осужденных, знакомая до боли безжизненная муть умершей плоти, которую уже не заполнить ни Светом, ни Тьмой.

Привычный, спокойный порядок жизни диакона нарушился. Он сделался задумчив и молчалив, стал рассеян на службах. Скорбные складки у рта угадывались под окладистой бородой, глаза потухли. Он не находил привычного утешения в молитве, о чем и пожаловался настоятелю.

– Крепись, отец Василий, – сказал настоятель, – неисповедимы пути и дела Его. Тяжкое испытание ниспослано тебе. Молись!..

И диакон молился.

В середине мая на территории больничного комплекса, где находился храм Спаса-на-Крови, уничтоженный большевиками в двадцатые годы, поставили и освятили крест. Заложили первый камень. Великопермский приход, в административном подчинении которого находилась Свято-Сергиевская церковь, прислал своего представителя и решение о начале сбора пожертвований на восстановление некогда поруганного храма.

Отец Василий трудил себя бесконечными заботами: искал фотографии, рисунки и чертежи, выезжая в архивы Перми и Соликамска; хлопотал в администрации о разрешении на строительство и согласовывал размеры площади под застройку; вместе с инженерами-строителями и геодезистами подрядчика искал остатки фундамента прежней церкви.

Дел было много, но не проходило и дня, чтобы отец Василий не навестил дочь – Надежду – в больнице и потом, когда ее выписали, дома, в обычной «хрущевской» двушке, которую оставил семье. В Сутеми не существовало центра психологической поддержки жертв насилия. С девушкой работал штатный психолог женской консультации, но результат оставался неутешительным. И хотя молодой организм быстро залечил физические раны, девочка оставалась безучастной ко всему, являя собой лишь тень того человечка, каким она была прежде. Чаще всего она лежала на постели, отвернувшись к стене, почти не разговаривала и не ела.

«Сделай же что-нибудь! – твердила ее мать отцу Василию сердитым шепотом. – Ты же поп! Ты должен знать нужные слова!»

Он молчал, глядя в дверную щель на худенькую спину под покрывалом, остренькое плечико и черный хвостик волос на подушке. «Поп, – думал он с тоской, – поп, да не тот!» Она не поворачивалась, когда он входил. Они не разговаривали. Он усаживался у постели, клал широкую шершавую ладонь на плечо дочери и молился про себя, испрашивая сил для нее, утolenия горестей. Несколько раз он пытался заговорить словами утешения, участия, но привычные обороты пастырской речи застревали в горле. В девичьей комнате с компьютером, яркими (частью – страшными) постерами на стенах, фотографиями каких-то знаме-

нитостей, горкой DVD-дисков у плеера такая речь казалась еще нелепей, чем в больничной палате, как литургия онлайн, передаваемая прихожанину-пользователю с помощью веб-камеры.

Отец Василий сжимал челюсти и молился истовее. Уходя, он не забывал перекрестить спину дочери, беззвучно шевеля губами, а потом приходил снова. В один из вечеров июня, едва он опустился на стул у постели, девочка вдруг спросила:

– Почему ты стал служить в церкви?

Он радостно замер при звуках ее голоса, а потом смысл вопроса достиг сознания, и у него перехватило горло: горечи и затаенного упрека там было больше, чем интереса. Он не нашелся, что ответить, и через некоторое время вышел, хрипло пробормотав на бегу:

– Потом... Обязательно...

На следующий день геодезисты закончили работы по определению остатков фундамента церкви Спаса-на-Крови, был вычерчен план. Специалисты предполагали хорошее состояние каменной кладки. Отец Софроний, настоятель Свято-Сергиевской церкви, немедленно отписал об этом в Великопермский приход. Решение о восстановлении храма на старом фундаменте вызревало само собой...

Церковь была построена в тысяча семьсот втором году, под призором местного рудознатца и промышленника Михайлы Ведимова, держателя железного рудника в недрах горы Стылой и царского поставщика. В архиве Великопермского прихода диакон Василий отыскал свидетельства, относящиеся к тысяча семьсот тридцать второму году, о мироточении иконы Пресвятой Богородицы в церкви Спаса-на-Крови, начертанные рукой тогдашнего настоятеля – отца Амвросия. К сожалению, не сохранилось бумаг, проливающих свет на дальнейшую историю этого чуда, а в тысяча девятьсот двадцать третьем году храм был уничтожен воинствующими безбожниками. Трагично оборвалась жизнь и последнего настоятеля, великого страстотерпца и мученика, отца Феодосия Игнатова: он был подвергнут жестокому публичному поруганию, замучен и утоплен в Стылой Мглинке.

Всего этого оказалось достаточно, чтобы главы светских властей вняли просьбам святых отцов. Надзирать за работами поручили диакону Василию.

Несмотря на протесты больничной администрации, жалобы на шум и запыленность, тяжелыми машинами сняли верхний слой почвы, обнажили фундамент и вскрыли старый церковный подвал. Отец Василий дивился умению старых каменотесов: столь ровно обточены и точно пригнаны друг к другу оказались камни. Строители приступили к обследованию фундамента, а диакон получил небольшую передышку.

Тяжело было у него на сердце. Дело уже не отвлекало от мыслей о состоянии Надежды, и ему было немного стыдно, что до сих пор он так и не ответил на ее вопрос, который мог бы звучать и так: «Почему ты нас бросил?» Он решился. Его «потом» наступило...

В тот июньский вечер он заехал в свою старую квартиру прямо с работ на территории больницы. От рясы пахло солнцем и пылью, под ногти набилась грязь. Он уселся как обычно, но руки спрятал в рукава и сразу заговорил, словно боялся, что ему не хватит духу, неотрывно глядя в стену, на постер в мрачных синих тонах, изображающий несколько молодых людей, у каждого из которых на одной половине лица проступал под плотью оскаленный череп.

Рассказ диакона относился к последним годам его армейской службы. Большинство дел и тогдашних мыслей совсем не предназначались для девичьих ушей. Он не смотрел на дочь, но ничего не таил. Память вела все дальше, приоткрывая дверцы, которые, как ему казалось, он заколотил навсегда. За ними хранилось время, которое он проводил в ожидании и рядом со смертью. Время, заполненное тяжелой, жестокой работой, потерями, победами, ложью, предательством и снова смертью. Тогда он почувствовал, что еще чуть-чуть – и он не сможет вернуться к семье, которую так любил. Жизнь, отличная от той, которую он вел, начала казаться ненастоящей и игрушечной, как лубок, и смысла в ней было не больше, чем

в клочках разорванных фотографий, припорошенных жирным пеплом. Стоило ли туда возвращаться? Что он туда принесет? Грязь, пот и кровь? Надсадный крик по ночам и зубовой скрежет?

На плановом курсе реабилитации он вывалил все это на психолога с мятыми погонами майора. Тот подвигал морщинами на лице, напоминающими складки на морде шарпея, и почиркал авторучкой в медицинской карте, назначая лечебный курс препаратами в сочетании с ароматерапией и релаксационными водными процедурами. Больше он ничем не мог ему помочь...

Через день в палату вошел священник. Большой, грузный, ростом под два метра. Ему пришлось пригнуться, чтобы скуфьей не задеть притолоку. Он тяжело уселся на кровать (сосед ушел на процедуры) и молча уставился на Скородомского ясными синими глазами. Василий остался равнодушен. Многие из того, что он видел и делал, утвердило его в мысли, что никакого Бога нет, но, едва завидев огромного попа, он почувствовал всплеск злого озорства и острое желание съездить ему по физиономии. Просто так, посмотреть, что он станет делать...

«По канону святого Василия Великого, – начал вдруг священник таким густым и глубоким голосом, что, казалось, модерновые двойные стеклопакеты в окнах вот-вот треснут, – солдат, исполнивший свой долг на войне, не допускается к причастию три года. Грех должен быть очищен, даже необходимый...»

То ли от того, что святой оказался тезкой, то ли от спокойной мощи голоса священника, но злость тут же ушла, оставив только горечь.

«Чем?! Чем ты его очистишь?» – спросил Скородомский, садясь на кровати. Память уже волочила его сквозь строй мертвецов с пустыми глазами, своих и чужих. Они молча смотрели на него: рваные осколками, культяпые, в кровавых ошметках, с двойными улыбками от уха до уха, обугленные, в красных сочащихся трещинах...

«Молитвой. Покаянием...»

Скородомский криво усмехнулся, перед глазами поплыло.

«„Покаяние – это дар, о котором тоже нужно молиться, – услышал он сквозь гул крови в ушах. – Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением. Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешили вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух, и зачем вам умирать?“ Новое сердце и новый дух, понимаешь? Есть всего два пути. Это просто, только надо услышать, не пройти мимо...»

Нет, качал головой Василий, все еще не видя ничего. Нет, это не может быть так просто, но голос густой и сильный звучал в голове:

«Вот, Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, и дабы жил ты».

– Так началось мое возвращение домой, – сказал отец Василий, глядя на постер в мрачно-синих тонах с лаконичной подписью: «Пункт назначения». – По-другому не сумел, а я очень хотел вернуться к вам... к тебе...

Он замолчал, к горлу подступил комок. Диакон заставил себя посмотреть на дочь. Она давно повернулась к нему, и глаза ее, чистые и глубокие, как закатное небо, кричали о жизни. Она все понимала...

– Пап, – сказала она, – я хочу покреститься.

Диакон Василий заплакал...

Таинство совершил отец Софроний через несколько дней. Лицо Надежды под скромным ситцевым платочком светилось, словно снизошла на нее благодать. Простенький оловянный крестик на черном шнурке невесомо лег на грудь.

Только тогда отец Василий ощутил, какой камень свалился с его души, и в радости своей он испытал греховную гордыню – самую малость – за свое дитя. Она выстояла. Вынесла боль, поругание и обратилась к Свету. Выбрала жизнь...

Через два месяца, в начале сентября, Надежда дождалась момента, когда мать ушла на работу в ночь, набрала ванну, погрузилась в воду, как была – в одежде, – и вскрыла себе вены. Крестик она сжимала в кулаке. На столе в ее комнате остался чистый лист бумаги с одним-единственным словом, адресованным не то матери, не то отцу Василию: «Прости».

Он не поверил.

Он не поверил в это, когда рано утром к дому при церкви, где он жил, прибежала его бывшая жена: босиком, простоволосая, в слезах и с размазанной по лицу помадой. Он еще не верил в это, когда стоял у гроба и смотрел в бескровное лицо, казавшееся таким маленьким, детским и удивительно живым...

Он читал погребальный канон самовольно, прямо в квартире. Отец Софроний запретил отпевать покойницу в церкви.

– Ты знаешь сам, – сказал он диакону, красные пятна уродовали его обычно добродушное лицо, – ОН – никому не дает непосильного креста! И совершить такой грех! Не проси! Нет, нет... и в поминальных службах имя ее чтобы не звучало! Запрещаю!..

«Как же так? – думал диакон Василий. – Как же это?»

И мерещилась ему долина смертной тени, куда рукою Божией был взят пророк Иезекиль, долина смерти и отчаяния, долина мертвенной пустоты и бесконечной тьмы. Здесь ничто не имело дыхания жизни – только мертвые сухие кости.

«Ну почему, почему?» – спрашивал он беспрестанно то ли у Господа, то ли у мертвой дочери.

Никто ему не отвечал.

После похорон он сник, сгорбился, согнулся. Стал ходить тихо, словно старик. На людей не смотрел, отводил глаза в сторону. Строительство Спаса-на-Крови не занимало его, но он ходил на площадку по-прежнему, стоял подолгу, скользя бессмысленным взглядом по растущим ввысь стенам, и губы его беззвучно шевелились. И всегда, возвращаясь обратно к Свято-Сергиевской церкви, он заходил в знакомый двор, в подъезд старой пятиэтажки, поднимался, шаркая, на четвертый этаж, в квартиру бывшей жены.

Она впускала его без слов, если была дома, и уходила куда-нибудь: на кухню или в комнату, всегда плотно притворяя за собой дверь, а диакон Василий шел в комнату дочери, где все осталось так, как было при ее жизни, вплоть до клейких постиков на мониторе компьютера с какими-то быстрыми, летящими пометками ее рукой. Ее вещи – что-то из одежды, – небрежно брошенные на кровать, ее сотовый телефон с севшей батареей на тумбочке, потрепанные учебники на книжной полке, ошестинившиеся закладками, – все это еще хранило ее прикосновения, создавая ауру присутствия: здесь, сейчас...

Наверное, он хотел говорить с ней. Объяснить...

«Смерть – не есть освобождение бессмертной души из-под непосильного гнета физического тела. Это распространенное заблуждение, чуждое духу Святого Писания, проистекало из греческих, языческих источников.

Смерть – это наказание за первородный грех. Прах не станет источником жизни. Умершее однажды – умерло навсегда. „Мы умрем и будем как вода, пролитая на землю, которую нельзя собрать“. Такова участь человека без Бога, вне Истины. Прах и пепел в долине смертной тени, пустота и тьма.

Истинное бессмертие души человеческой заключается в постоянном пребывании человека в познании Отца и Его Единородного Сына, Господа нашего, в силе Духа Святого. Только тогда слава Креста и Воскресения будет явлена в собственной нашей жизни».

Так писал отец Георгий Флоровский, так думал диакон Василий, оплакивая дочь.

Он проводил в ее комнате около часа и уходил с тяжелым сердцем. Замок на двери щелкал, словно иссушенная кость. «Умершее однажды – умерло навсегда».

Но он приходил снова, на следующий день или позже. Может быть, он приходил бы еще много раз, но в первых числах ноября, когда небо роняло на мерзлую землю колкие снежинки, сидя в прохладном сумраке комнаты дочери, он почувствовал что-то.

И включил компьютер...

Так же бездумно отец Василий открыл электронную почту. Почтовый сервер послушно скинул в ящик шелуху спама. Он не обратил на это внимания. Сердце отчего-то замедлило свой бег. В теме последнего прочитанного сообщения стояло: «Приколись, че нарыл!!!» Дьяк щелкнул мышкой. В тексте письма была только одна ссылка. Щелчок. Очнувшийся от спячки эксплорер стремительно перебирал адреса, а потом распахнулся, словно окно в Содом и Гоморру.

Сердце отца Василия замерло.

На экране, в маленьком дополнительном окне для просмотра файлов видео, он увидел искаженное страданием лицо дочери. Рука диакона дернулась. Белая стрелка курсора метнулась и остановилась в кружке с треугольником, запускающим просмотр. Над курсором всплыла любезная подсказка: «Продолжить».

Отец Василий понял в долю секунды.

Все.

И закричал, вцепившись ногтями в лицо.

Не важно, кто и когда поместил в мировую паутину, на англоязычный порносайт видео с насилием над его дочерью. Не важно, кто прислал ей эту роковую ссылку. Важно было другое.

В ту пасхальную ночь ничего не закончилось.

Все эти месяцы кто-то продолжал насиловать Надежду, пусть мысленно, но источая каждой порой вполне реальные похоть и пот, раз за разом щелкая мышью: «Продолжить... Продолжить... Продолжить...»

Возможно, кто-то делал это прямо сейчас.

Полторы тысячи просмотров. Шестьсот двадцать пять скачиваний. Три сотни комментариев.

Она не вынесла этого.

Крик застрял в горле диакона, воздух в легких кончился. Что-то рвалось в груди и лопалось с пронзительным звоном, но мысль работала ясно и четко. Он твердо знал, что больше не хочет быть пастырем стада – носителя заразы смерти и горя. Ему будет невыносимо заметить в глазах своих прихожан, где-то на самом доньшке, крошечную язвочку пустоты мертвой плоти...

И его не стало. Как раньше не стало офицера спецназа внутренних войск в отставке, «крапового берета». Не стало двух чеченских кампаний и тяжелых снов о «зеленке»: бесконечной, шепчущей, источающей угрозу и ненависть.

Остался только я.

И я услышал: «Вот, Я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил Я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, и дабы жил ты...»

Я слышу это и сейчас, но не сомневаюсь ни единого мгновения.

Трудно было ждать, когда освободятся твои дружки и не выпускать вас из виду, а собрать всех в одном месте оказалось несложно. Достаточно было взять одного. Знаешь, некоторые услуги операторов сотовой связи могут оказаться полезны не только для разговоров. «Розыгрыш», например...

Не хнычь. Мертвые не выбирают...

Вот возьми. Это телефон моей дочери. У него отличная камера. Тебе придется припомнить свои операторские навыки. Не забыл?

Открой глаза! Открой глаза, я сказал! Иначе я вырежу тебе веки. Ты неверишь, как быстро можно унять кровь. Ты отснимешь все. До последней секунды...

Теперь держи руку повыше и смотри туда.

Прямо в темноту...

Маньяк № 3

Александр Щёголев

Читатило

Серийные убийцы – это мы, ваши сыновья, ваши мужья. Мы повсюду. И завтра умрет еще больше ваших детей.

Тед Банди

Убить взрослого я, наверное, не смогу. Особенно если тот понимает, что сейчас произойдет. В понимании все дело. Ужас, который испытывает перед смертью разумное существо, поистине вселенского размера. Легко представить себя на месте этого несчастного.

Вернее, совершенно невозможно представить.

Дети – другое дело...

Снимаю парик, бороду и прочий маскарад. Всегда гримируюсь перед реконструкцией. Лицо у меня стандартное, правильной формы, без примет; волосы ношу короткие. Надеваю резиновые перчатки.

Мальчишки, увидев такое преображение, впадают в ступор. А через миг один вытаскивает пластмассовый пистолет. Ну и детки нынче... Отнимаю игрушку.

– Откуда оружие?

– Папа дал.

Дурак ты, папа. Еще и потому, наверное, твой отпрыск пошел с посторонним, что из-за этого твоего пистолета чувствовал ложную защищенность.

Второй пацан ничего не предпринимает: он просто напуган. Он молча плачет.

– Вы кто? – с вызовом спрашивает первый.

– Меня зовут Тараканище.

– Как это?

– Прозвали в детстве.

– А это не про вас случайно? «Вдруг из подворотни страшный великан, рыжий и усатый Та-ра-кан!»

Я смеюсь:

– Молодец, правильные книжки читаешь. Там еще замечательные строчки есть: «Принесите-ка мне, звери, ваших детушек, я сегодня их за ужином скушаю».

Второй, прерывисто всхлипнув, шепчет себе в нос:

– Взял и клюнул Таракана, вот и нету великана...

Мечтает о чудесном спасении?

Я посмеиваюсь, следя за этими двоими. И когда первый вдруг бросается в комнату – к окну, – я хватаю обоих за шкирки. Они лягаются и пытаются заорать; нет уж! Стукаю их друг о друга головами. Игры закончились. Крик длится всего долю секунды. Тела превращаются в мешки...

Как зовут их самих, я не спрашиваю, и так знаю. Димка и Олег. Димка – который посмелее. Учатся во втором классе, живут в соседних домах, дружат, утром встречаются и идут вместе в школу. Фамилии я тоже знаю... вообще знаю о них почти все, в том числе имена одноклассников и родителей, и главное – имя-отчество учительницы, ведущей класс.

Не собрав информации по максимуму, немислимо приступать к реконструкции. В пятницу, когда пацаны остались после школы погонять мяч, у Олега в ранце моими стараниями завелся электронный «клоп», так что сегодня, в понедельник, сведений у меня достаточно.

Занятия начинаются в девять. Без пятнадцати, как обычно, моя парочка направилась в школу. Один держал другого за ранец и как бы рулил, урча вместо мотора, – импровизированный такой автомобиль. Трогательная картинка... Встретились мы у дома, где была подготовлена квартира. На мне была домашняя одежда и тапочки, чтоб никаких сомнений – живу тут. Окликнутые по именам и фамилиям, они остановились. Говорю, что Татьяна Максимовна, их учительница, подвернула ногу, ходить не может, а тут как раз ее любимые ученики мимо окна идут. Говорю, нужно срочно отнести в учительскую классный журнал, иначе у нее будут неприятности, так что заскочим к ней домой, это здесь, на первом этаже... Всегда выбираю первый, в крайнем случае второй. Чем меньше времени проведем на лестнице, тем меньше вероятность кого-нибудь встретить. Дверные «глазки», не исключая *нашей* квартиры, залеплены жвачкой – типа шпана баловалась. Видеокамеру с лестничной площадки заберу, когда уйду...

Они не знали, где живет Татьяна Максимовна, откуда бы? Вопрос, почему им просто не вынесли журнал, в голову мальчишкам не пришел (у меня был ответ); не стали они и звонить родителям, прежде чем зайти в подъезд (на этот случай работала глушилка). Все произошло быстро и непринужденно.

Пока они в отключке, раздеваю догола и связываю. Мычат и стонут – сознание к ним возвращается.

- Вы нас съедите? – догадывается Димка.
- С чего ты взял?
- В школе рассказывали.
- Сказочники у вас в школе, не то что было у меня.
- Полицей два раза приходил...

Понятно, в школах обо мне предупредили. Куда чиновным ловцам было деваться? Провели повальные инструктажи. Обычно параноики в высоких креслах избегают огласки. Прикрывая тайной следствия страх ответственности, они скорее допустят несколько новых трупов, чем признают существование серийного маньяка, но с какого-то момента держать правду взаперти стало невозможно.

Мне приходится учитывать эти обстоятельства.

А они не учитывают, насколько хорошо я умею вызывать доверие у детей.

Хватит болтовни! Заклеиваю пленникам рты.

– Вас обманули, я деток не кушаю, – говорю, готовя шприцы. – Но рецептом, раз уж вы спросили, поделюсь. Омлет готовится из взбитых мальчигов. Сначала ошпилю вас, вымою в пиве, залью яичной массой, только потом буду взбивать. Обваляю в муке с табаком, ну и... зажарю, конечно.

Они таращат глаза.

– Честно предупреждаю: это больно. Так что предлагаю укольчик. Ничего не почувствуете.

В шприцах – морфин. Однако мальчишки не понимают хорошего отношения, бьются на полу, не дают сделать инъекцию, вынуждая снова ударить, отправив одного в нокаут. Сопротивление сломлено. «Пчелка укусила», – шучу, вгоняя иглу в вену. Все, дурман растекается по жилам строптивцев, превращая последние минуты их жизни в странный сон.

Пока препарат не подействовал, заглядываю во вторую, маленькую комнату. Там лежит хозяин квартиры, спеленатый, как мумия. Живой, разумеется. Я не полоумный убийца, истребляющий каждого встречного, я – другое. Судя по запаху, мужик не вытерпел и нагадил под себя. Так... С этой стороны ждать сюрпризов не приходится, а значит, можно не отвлекаться от главного.

Выбор места, кстати, не всегда сопряжен со сложностями и насилием, вариантов много. Как много и способов заманить ребенка. Но это детали, это легко наработывается.

Если честно, больше всего мне нравится удивлять людей в их собственных жилищах, как оно было в первый раз, в самый-самый первый – я про *настоящую* реконструкцию, подросток в костре не считается...

Можно начинать.

Ощипываю тушки, освобождая их от волос и ногтей. Обливаю пивом. Раскалываю над каждым по десятку яиц. Приступаю ко взбиванию. Рабочей поверхностью служит столешница, разложенная на кафеле в коридорчике, под нее подложен войлок в два слоя, чтоб не так было слышно. Действую тяжелым стальным пестом, чем-то похожим на гантелину. Сначала обрабатываю Димку, потом Олега: под моей «гантелиной» они и умирают. Сыплю муку с табаком: серая пыль смешивается с кровью...

Второклассники – удобный полуфабрикат.

Вечная проблема: членить тела или нет? В рецептах прямо об этом не сказано, но как можно приготовить хоть что-то, например из свиньи, не разрезав ее? Как обычно в таких случаях, я решаю, что Мастер промолчал в силу очевидности, и вынимаю пилу из чехла...

– Я пришел тебя предупредить, дурак, – прошептал Боб, оглянувшись на раскрытую дверь комнаты. – Не догоняешь?

– Почему не догоняю? – сказал Санька. – Не пускать ребенка одного на улицу, забирать из школы, и все такое. Мы с женой и без твоих подсказок давно живем в режиме ЧС. Просто гнида эта тыкает вас, писак-дармоедов, носом в стол: не пиши, не пиши, не пиши. Вот ты и бесишься.

– Да не бешусь я... уже. Отбесился. Боюсь я, Санек. Это ведь что-то запредельное, по ту сторону обычного зверства или безумия.

– А что менты?

– Работают менты, что ж еще. Только, по моим наблюдениям, продвижения ноль. Тсс, это большой секрет...

Боб, он же Борька, Санин сосед по лестнице и давний приятель, был журналистом, хоть и считал себя писателем. Но если писательские амбиции заметно превосходили его творческие возможности, то журналист он был хороший: с надежными связями и борзым пером. Интересовался, в основном, криминальными темами. Сегодня ему удалось попасть на место последней вылазки серийника, нагнавшего панику на миллионный город, вот и прибежал делиться новостями. Сильно был впечатлен, оттого пафос и драматизм.

– Вы, щелкоперы, с вашими фантазиями когда-нибудь всерьез доиграетесь, – заговорил Санька. – Достоевского, видите ли, в школе изучаем. А чему он учит? Тому, как носить под курткой топор в веревочной петле, как это просто, эффективно и, главное, круто. И романтически настроенные дебилы с восторгом выполняют его инструкции, сколько уже случаев было в истории. Да что – классика! Взять этого, как его... фантаста популярного... Лакуненко?

– Лукавинка, – подсказал Боб. – Сергей Лукавинка.

– Извини, фантастику с некоторых пор не читаю... Что делает ваш Лукавинка? Красиво так, смачно показывает, что убивать детей – норма и что, когда дети убивают – тоже норма. Какого результата ждать от такого «чтения», учитывая, что читают его книги как раз те самые дети?

– Притягиваешь примеры за уши. Нашел, блин, врагов.

– Не нравятся эти, приведу десяток других. Дело-то не в фамилиях, а в том, что безобидные с виду книжонки ломают чьи-то жизни, и что есть люди, для которых каждое напечатанное слово – святыня. Таким читателям и дают потом кличку Читатило, которую они с гордостью носят.

– Читатило – это выверт, отклонение.

– Это, Бобик, образцовый поклонник. Эталон.

– А ты уверен про гордость? Ну, что маньяк свою кличку носит с гордостью? – Борис явно завелся. – Может, он страдает.

Санька оторопел.

– Кто страдает? С дуба рухнул, журналист?

– Я только стараюсь не делать поспешных выводов. Человек, возможно, хочет что-то крикнуть из своего зазеркалья нашему миру, чтобы его услышали и помогли ему.

Санька обреченно махнул рукой:

– Психи. Вы оба. Страдальца нашел...

Друг Борька писал цикл статей как раз по материалам дела. Понятно, что это деформирует мозги самым причудливым образом. Публиковать написанное в полном объеме пока было нельзя, но автор рассчитывал, что в итоге получится книга. Он ставил на эту книгу, мечтая, что она выпрыгнет в бестселлеры. Потому-то не всегда было понятно, на чьей Борька стороне: то ли ужасается выродком, то ли восхищается им, бессознательно следуя читательским ожиданиям.

– Ты сильно преувеличиваешь воздействие литературы на реальность, – подытожил журналист.

– Есть яды, которые очень долго воздействуют. Годами.

– Литература – это яд?

– Да плевать мне на вашу литературу, я за сына беспокоюсь. И за твою дочь, кстати.

В комнату вбежал Севка, неся впереди себя здоровенную модель танка «Абрамс», склеенную из пластмассовых деталей. Только что закончил.

– Вот!

Сыну было десять, и он обожал военную технику. Лучшим подарком для него всегда был конструктор; не считая солдатиков, конечно. С началом учебного года пошел в авиамодельный кружок – сам, без папиного совета.

– Блеск, – сказал Санька. – Т-90 курит на запасном полигоне.

– Т-90 – самая жесть! – оскорбился Севка. – Круче «Абрамса», я читал!

– Жесть? А я думал, тоже сделан из пластмассы. Во всяком случае тот, который у нас на серванте.

– «Я читал...» – задумчиво повторил Боб. – А спросим-ка мы у молодого поколения. Севыч, ты как, веришь всему, что написано в книгах?

Мальчик задумался на миг – с комичной серьезностью:

– Когда был маленький, верил.

– А сейчас?

– А сейчас он большой, – ответил Санька и развернул сына к двери. – Иди, маме покажи.

Друзья помолчали.

– Опять он, сука, выставил на стол тарелки, – заговорил Боб все о том же. – Как обычно, две. Кто второй, это понятно. Другое непонятно – почему сам к своим «блюдам» не прикасается.

– Может, не нравится, как приготовлено? – высказал Санька версию. – Не умеет готовить?

С кухни заглянула разгоряченная Тамара:

– Кто тут не умеет готовить? Не слушай его, Боря, это говорит человек, который не то что яйцо, даже пельмени сварить не может.

Санька вскочил и обнял жену:

– Молчи, женщина, твое место на кухне.

Все когда-то происходит впервые: первая невосполнимая утрата, первое убийство, первая прочитанная книга. И тому подобные события, составляющие суть нашей жизни.

Сознание крепко привязано к этим колышкам.

Вот, например, устраивают старшеклассники двухдневный поход с ночевкой. Я заметно младше всех и попадаю в компанию случайно. Просто соседский парень по прозвищу Кентыч таскает меня повсюду с собой, как собачонку на веревке, а я только «за», потому что собачонка и есть. Кентыч – это из-за отчества Иннокентьевич, однако история не о нем. Один из великовозрастных дебилов, который достает меня в школе, здесь совсем борзеет – на привалах разрешает мне передвигаться только на четвереньках. «Раз ты Тараканище, – ржет, – ну так и бегай от людей!» Тараканище – это уже моя кличка, прилепившаяся аж с детсада. Я бегаю, вернее, ползаю, а он бьет меня по спине снятыми сапогами и орет: «Бойся тапка, паразит!» И всем весело. Кентыч за меня не вступается, потому что трус...

Вечером разводят костер и к ночи ужираются вусмерть – буквально все. Спиртного набрали с собой немерено. Расползаются по палаткам, и все бы ничего, если б вскоре не обнаружили очень специфическую закуску: тот жлоб, который надо мной издевался, упал в догоревший костер, в самые угли, и хорошенько прожарился. Заснул сидючи, вот и упал, а приятели не заметили. Выбраться из костра самостоятельно не смог. Не кричал. Пробил острым сучком шею – может, потому и не кричал... Я, в отличие от старших товарищей, не сплю. Я наблюдаю за интересным процессом. Впервые вижу, как готовится человечина: впитываю необычные ощущения, цвета и запахи...

Откровенно говоря, вонища. Именно тогда и понимаю, как это гнусно – горелое мясо. Вообще, все было не так – вульгарно, грязно, неправильно. Остро не хватало красоты. И решаю я для себя, как Ленин когда-то, что пойду другим путем. Ибо нет ничего важнее, чем строгое следование рецепту.

– Вы с Санькой по садовому участку в сапогах ходите? – спросил Боб.

– Без сапог, – сказала Тамара.

– Что, у вас так сухо?

– Нет, устаем ноги вытаскивать.

Посмеялись.

Дачные муки – обычное дело в конце октября: снег выпадал и таял, дожди нескончаемые, так что развезло землю и на дорогах, и в огородах.

Сидели в фойе музыкальной школы, ждали детей.

Севка и Оксанка, дочь Бориса, прибежали с сольфеджио первыми, яростно жестикулируя и хватая друг друга за руки: спорили насчет правильного дирижирования на четыре четверти. Следом – вся группа. Гардероб превратился в сущий дурдом, сотрясаемый бегом и криками:

– Эй, это чейный портфель?

– Надо говорить не чейный, а когошный!

– Как дела? – спросила Тамара сына, засовывая в мешок сменную обувь.

– Была контрольная по интервалам. Я ни разу не ошибся.

Севка старался быть сдержанным, но гордость так и перла.

– А в школе?

– Раздали дневники. У меня ни одной тройки.

Так-так, сегодня Санька проставлял четвертные оценки. Это значит – грядут каникулы.

– За ведение дневника почему-то «хорошо», – добавил Сева со значением. – Не «отлично».

Санька работал учителем русского и литературы в школе, где учился сын, мало того, был у него классным руководителем, так что неслучайно тот удивлялся оценке «хорошо» за дневник – законно удивлялся.

Оделись, собрались, дошли до машины. Санька недавно подъехал – ждал. Залезли в салон: дети и женщины сзади, мужчины впереди. Авто было – старая «Лада»-«девятка», которая в умелых руках пока еще не то что бегала, а летала.

– Раскрутил мэтра на интервью, – похвастал Боб, когда поехали.

– Которого?

– Не придируйся. Того, того самого. Столько лет никто не мог вытащить из скорлупы нашего затворника, а я на днях это сделаю.

– Мечтаешь, наверное, чтобы Читатило приготовил к твоему триумфу праздничный обед? Как он там говорит... «к столу»? Сенсационное интервью подавать со свеженьким репортажем!

– Он говорит «блюдо подано», – проворчал Боб.

Маньяк, и правда, всегда звонил от какого-нибудь метро на полицейский «пост номер один», то бишь по дежурному телефону, и сообщал адрес, куда ехать следственной группе. Голос был изменен, а звонок обычно начинался с фразы про поданное блюдо, ставшей жутковатым кодом.

– Каковы его планы? – принялся размышлять Боб, оседлав своего конька. – Отработать всю книгу? Действует не по порядку, берет сюжеты вразбивку, усложняя работу сыскарей... И что, скажи на милость, он будет делать, когда рецепты закончатся? Их там много, этих рецептов, но число их конечно. Неужели остановится?

– Он сумасшедший, логика его безумна. Нам, кстати, обязательно это сейчас обсуждать? – Саня кивнул назад, на детей.

Тамара дремала, закрыв глаза. Севка с Оксаной, не обращая внимания на взрослые разговоры, обсуждали здания, мимо которых проезжали. С сиденья доносилось: «А что такое „архитектор“?» «Не что, а кто. Видела старые красивые дома? Их архитекторы строили...»

– Я вообще не понимаю, зачем ты об этом говоришь, – сказал Саня. – В смысле пишешь. Мозг чешется?

– Труба зовет.

– Мундштук не проглоти, трубач. Не боишься, что психопат обратит на тебя внимание с твоими репортажами и статьями? Уж больно ты активен. Ради чего рискуешь? А главное – кем рискуешь, ты хоть понимаешь?

Боб не ответил: обиженно скрестил руки на груди и молчал до самого дома.

Забавы маньяка, получившего в прессе прозвище Читатило, и впрямь пробирали. Чего только не находили в квартирах, где он побывал! Труп, политый вареньем, украшенный цукатами и слониками из марципана. Труп, обмазанный в несколько слоев ванильной глазури. Отрезанные головы с напиханной в рот всякой всячиной – то это манная каша, то ошипанная тушка синицы. Ванны, заполненные лимонадом или кефиром. А то вдруг в ванне – простая вода, где в компании с утопленником плавают пластмассовые кораблики и уточки, соски-пустышки, елочные игрушки и почему-то радиоуправляемая модель подлодки... Что касается сковородок с кастрюлями, оставляемых извергом на плите, вернее, их содержимого... *эту экзотику, ей-богу, лучше не описывать.*

И обязательная находка – две тарелки, красиво расставленные на обеденном столе. С положенным туда... как бы поточнее... лакомством.

А жертвами были дети. Всегда – только дети. Школьники младших классов или дошкольники.

Вычурность убийств, их неповторяемость сбивала с толку, долгое время не позволяла выстроить хоть какую-то систему. Пока, наконец, кто-то не догадался, что безумец всего лишь реализует сюжеты из книги. И книга эта, как ни странно, оказалась детской. Мало того, автор ее, известнейший писатель, можно сказать мэтр, жил здесь же, был почетным горожанином... Сведения просочились из следственных кабинетов в прессу, тогда-то и возникло первоначальное прозвище маньяка – Читатель, естественным образом превратившись в Читатило...

Едва припарковались, инициативный Севка сразу взял быка за рога:

– Папа, а почему мне за ведение дневника только «хорошо»?

– Потому что всегда отсутствует подпись родителей, – абсолютно серьезно ответил Санька.

Как замечено классиком: подставь в обычную поваренную книгу вместо слов «говядина» или «свинина» слово «человек», и получишь идеальный ужастик.

А если подставить слово «ребенок»?

А если людоед – реален, и книжные рецепты для него – нормальная практика?

Получим идеальную связь литературы с жизнью, фактически симбиоз.

Я, правда, ни разу не людоед. Бывает, думаю: взять бы и попробовать блюдо, приготовленное мной. Из уважения, что ли, пусть и не хочется. Прodelана большая работа, да и ребенка зачем обижать... Где-то писали, что самое вкусное – щеки. Также ценятся уши... Нет, все равно не пробую. Потому что – ну не людоед я, какие бы слухи обо мне ни распускали!

Они называли меня Читателем. Хотя я не столько читатель, сколько реконструктор написанного. Все в жизни случается впервые: первое убийство, первая книга... Рваная, без обложки – тем и ценна. Массивная глянцевая обложка сорвана, когда книга внезапно превращается в орудие. Страничный блок разваливается, иллюстрированные истории рассыпаются, закрывая мертвое тельце...

Сильные воспоминания.

– Это книга шуточных рецептов! – горячился Борис. – Ты понимаешь слово «шуточных»? Да невозможно было предвидеть, что кто-то примет их за инструкции!

– Делать из детей обеды – по-твоему, шутка? Я знаю, что для вас, для писателей, допустимо и даже почетно глумиться над всем, над чем нормальные люди плачут, но ТАКИХ шуток я не понимаю и никогда не пойму.

– Ты никаких не понимаешь. Ты человек без чувства юмора.

– А ты смог бы повторить все то же родителям жертв? Глядя им в глаза?... А лучше – у мэтра спроси, когда будешь брать интервью. Интересно, автор ощущает хоть какую-то вину?

– Спрошу. Хороший вопрос.

– Его «Поваренная книга людоеда», Боб, отвратительна и опасна, с чем согласится любой человек, любящий детей. Я тебе говорю как педагог.

– Любой человек, любящий детей, согласится, что эта книжка развивает ребенка, приучает его к парадоксам. Я про нормальных людей. А нормальный ребенок не усомнится, что перед ним отличный образец юмора, пусть и черноватого, а вернее – абсурдного. Читательское племя, Санек, в целом здоровое...

– И послушное, – закончил Саня. – Как стадо. Стадо племенных читателей.

– «Племенной читатель» – хорошо сказано, – Боб засмеялся. – Покупаю...

Спор этот длился месяцами, как хроническая болезнь с обострениями, – с тех пор как Борис взялся освещать в СМИ дикие инсталляции маньяка.

Сидели в машине, поглядывая на детскую площадку. Сказочный городок, построенный там, почти пустовал, детей было немного. Сева уже расставил на скамейке солдатиков, которых вечно таскал в карманах и в которые играл при любом удобном случае; он увлеченно двигал раскрашенные фигурки и что-то объяснял Оксанке, сидевшей тут же.

– Почтенный автор, гуру детской литературы, навязывает нам сомнительную мысль, что сделать из человека стейк так же естественно, как из свиньи. Это нормально? – стоял на своем Саня. – По его словам, у того, кто кушает маленьких мальчиков и девочек, великолепный вкус. А людоед, если себя уважает, должен выбирать отличников и спортсменов, не говоря уже о юных талантах. Все это – многотысячными, даже миллионными тиражами.

– Не там ищешь виноватого, Санек. Виноват не «гуру», который просто прикалывается и, повторюсь, развивает в детишках ироничный взгляд на мир.

– Сеет добро?

– А что ж еще?

– Цитирую близко к тексту. Противную недотрогу отжать до хруста в суставах, поместить в сеточку и повесить над горячим противнем сушиться. Надутого победителя олимпиады проткнуть шомполом, выпуская благородные газы. Мальчика-ботаника, нарезанного прозрачными ломтиками, сервировать очками, скрипкой и включенным планшетом. Дырявую голову фаршировать куриными мозгами... Это – прикольно?

– Да! – сказал Боб с вызовом. – Прикольно!

– Особенно как представишь себе дырявую голову ребенка... В теории все здорово, книжка полезная, автор – изысканный остряк. А на практике душегуб каждую фразу понимает буквально. Пошутил писатель, мол, надо снять с драчуна три шкуры... Ты помнишь, ЧТО нашли в июне?

– Ну нельзя же сравнивать! Ты так говоришь, как будто между автором книги и маньяком существует связь.

Санька в сердцах ударил руками по рулю:

– Именно связь! Ты, Бобер, никак не врубаешься. Человек, придумавший все, что я сейчас цитировал, не мог не проделывать это сам. Все, что с таким смаком описал. Для начала – у себя в больных фантазиях, а потом, глядишь... А чего? По приколу... Вот мне кажется – мог, вполне мог. Здоровому человеку, например, не вообразить то, что он предложил делать с сорвиголовами. Так что нечего было удивляться, когда возник адепт-единомышленник.

– Ты шутишь? – осторожно спросил Боб.

Санька отвернулся.

Оксана и Юля.

Вернее сказать, Оксана *или* Юля...

Красавицы, умницы. Грациозные, как лебедушки. Ленивые, капризные, сумасбродные и много чего еще. Такие похожие и такие неповторимые... С какой из них начать? Кто истинная принцесса?

Одна – перед моими глазами, играет на детской площадке. Вторая – где-то далеко, может с мамой, может, с гувернанткой... в любом случае, не с дедом. Дед у Юли – культовый детский писатель, слишком высоко летает, чтобы заниматься собственно детьми...

Которую выбрать?

Обеих держат взаперти, над обеими трясутся, ни на минуту не оставляя без присмотра, так что сложности, возникающие с обеими, одинаковы...

И до чего же они, эти девочки, напоминают мне ту – первую!

Первая... Помню как сейчас. В очередной раз я зависаю на скамейке возле бывшей своей школы; люблю здесь сидеть, вновь и вновь испытывая ненависть и омерзение. Она САМА подошла, САМА села рядом. Первоклассница. Тот возраст, когда правило «Не раз-

говаривай с незнакомцами» еще воспринимается как родительская блажь. Ей не нравилось на продленке: группа была смешанная, состояла из учеников разных классов, четвероклассники издевались над первоклашками – обычное дело. Вот и сбежала. Я привожу ее к ней же домой. Родители на работе, никто нам не мешает. *«Тушенная любопытная дуручка, фаршированная каштанами»* – ах, что за прелесть... За каштанами пришлось сбежать на рынок – после того как маленькая хозяйка задохнулась в духовке... Как ни крути, это была первая настоящая реконструкция. Что там ночной костер в моем тараканьем детстве – никакого сравнения.

Смотрю на Оксану, не могу оторвать взгляд. Она не обращает на меня внимания, попросту не видит, и это хорошо. Она целиком занята своим другом, распустившим перед нею хвост. Неужели, милая крошка, ты мой новый источник вдохновения?

– Ничего не перепутал? – Боб толкнул Саньку в плечо. – Вот так походя записал великого писателя в психи и преступники?

– Ты человек без чувства юмора.

– Ах, это был юмор.

Негодование Бориса понятно. С автором «Поваренной книги людоеда» он познакомился еще по молодости, когда посещал литературную студию, которой тот руководил, и с тех пор неровно дышал к живому классику, полагая себя его учеником.

– Преступник, Саня, это маньяк, и только маньяк, – вколотил Боб. – Мэтру и так тяжело, совсем не пишет. Несколько лет – ни строчки, ни одной книжки или сценария. Опять же, родня задолбала, плевать им на творческий кризис, присосались и тянут, тянут. А ты про него – такое... Обидно даже. Слышал бы ты, как с ним дочери общаются...

– Да наклась! И помочиться. Речь-то не о нем.

– Вот именно! Читатило, в отличие от шаловливых детских книжек, приносит в дом не радость, а горе. А ты...

– Все это – слова! – крикнул Саша в ярости. – Ты ведь не понимаешь, о каком горе говоришь! Вообще не понимаешь, о чем говоришь.

– Наше с тобой счастье, что не понимаем, – сказал Боб.

Некоторое время молча смотрели сквозь лобовое стекло на детей.

Севка важничал, показывая Оксане, как быстро и ловко умеет забираться на горку. Он покровительствовал Бобкиной дочери, что было неудивительно: старше на два года.

– Может, поженем их, когда вырастут? – предложил Борис.

– Может, и поженем.

– Все-таки наш маньяк непоследователен. Был бы последовательным, тогда...

Не договорил.

– Что – тогда? – подтолкнул Санька.

– Тогда не был бы трусом. Трус он, Читатило, вот и вся его великая тайна.

Дело, конечно, не в том, здорово ли читательское стадо, и есть ли в нем племенные бычки-осеменители. И не в писателях-пастырях. Плевать мне на них на всех. Но если ты что-то сказал – будь готов, что тебе ответят, и сам будь готов ответить.

А если написал – сделай.

Это очень просто, если вдуматься. Ты написал, но не сделал? Значит, кому-то придется дорабатывать за хорошего парня, который, увы, только говорить горазд.

...Папаша Оксаны – полное ничтожество. Прячется в автомобиле со своим приятелем, пока дочь гуляет. Мне слышно каждое их слово: я незримо присутствую в разговоре, практически участвую, ибо говорят они обо мне. Оба несут ахинею. Я еле сдерживаюсь, чтоб не засмеяться в голос...

Однако обвинение в непоследовательности и трусости, если честно, меня цепляет.

Размышляю: не дать ли журналисту шанс? Не отодвинуть ли намеченную реконструкцию и не посмотреть ли, как он распорядится полученным временем? Я достаточно знаю о нем, равно как и о его семье. Информация – это сила, ее не бывает много. Родители Оксаны не выпускают свою принцессу из-под контроля, свободы у нее ноль. Учится она в школе, где преподает мать, так что по утрам мама с дочкой всегда идут вместе, одна на работу, другая на учебу. После учебы – музыка. Музыкальная школа расположена в двух шагах от обычной, и сопровождает туда принцессу мальчик по имени Сева, паж, рассудительный и ответственный. С музыки обязательно кто-то забирает: либо мама, либо папа. В Дом творчества школьников тоже одна не ходит. Гулять без взрослых не выпускают никогда: так и скушает Оксанка дома, если некому пойти с нею во двор...

Где слабое место в этой броне?

Санька выпрыгнул из машины и помчался по бывшему пустырю, бросив дверцу открытой, – к детскому городку. Перемахнул через песочницу, обогнул качели, поднырнул под каркас для лазанья и экстренно затормозил возле горки, исполненной в виде древнего замка. Боб с изрядным опозданием – за ним.

Севка уже подымался. А до того – лежал неподвижно возле желоба, пугая и папу, и сбежавшихся детей. Санька быстро осмотрел его, ощупал: вроде обошлось. «Где болит?» – «Нигде». – «Не ври. Голова как?» – «Нормально». – «Чем стукнулся?» – «Попой...»

В Севкиных глазах стояли слезы.

– Это вот он его толкнул! – закричала Оксана, показывая на оболтуса лет тринадцати, наблюдавшего сверху, с горки, за происходящим. Оболтус ухмыльнулся, съехал на корточках вниз и сказал:

– Он сам.

– Врет! Он еще у Севы пушку отнял!

– Это правда?

Севка шмыгнул носом:

– Из батареи Раевского.

– Что ж ты такие вещи с собой таскаешь? – встрял Борис. Игрушечная пушка была хороша, гордость коллекции, жаль такую терять.

– И еще солдатики! – Оксана подпрыгивала от возмущения.

– Все честно, – возразил парень, откровенно куражась. – Я говорил, что он не угадает, в каком кармане я спрятал пушку, а он приссал угадывать. Значит, проспорил.

Презрительная ухмылка не сходила с его наглой хари. Уйти или убежать он не пытался – с какой стати, что ему сделают? Привык к безнаказанности, страха не знал.

Сева тихонько плакал.

– Что мы ему ответим? – спросил Санька сына.

Тот, исказившись лицом, подскочил к обидчику и с ходу вlepил ему ногой в живот. Синтетика приняла удар, но все равно получилось смачно. Оболтус согнулся крючком и упал на пятую точку. Барахтаясь в песке, красный от ярости, он попытался встать, а тут и Борька – поднял его, отряхнул и громко спросил у собравшихся, имеет ли кто честь знать этого доброго молодца? Через секунду личность была установлена. Отрок выкрикивал невразумительные угрозы. Подошел Санька, нежно прижал его к себе – не вырваться – и громко заговорил, нагнувшись к самому уху маленького негодяя:

– Значит, папа у тебя крутой олигарх? А дядя, наверное, мент, правильно? Другой дядя – бандит, а старший брат – чемпион по миксфайту? Мне на это насрать. Нас-рать. Запомни хорошее слово. Почему насрать? Потому что, Артурчик, я знаю, кто ты и где ты. Этого достаточно, чтобы я выиграл спор. Ты ведь спорил, помнишь?

Он поднял сопляка в воздух, перехватил за ноги и перевернул. Хорошенько потряс. Из карманов высыпалась всякая всячина. Среди прочего – пушечка времен первой Отечественной, стреляющая дробинками, а также несколько солдат-пехотинцев тысяча восемьсот двенадцатого года и два конника-гусара. Артурчик вопил и извивался, как червяк. Санька опустил его на землю, прижал коленом, чтобы встать не мог, и собрал Севкино добро.

– Ты проспорил, дружок. Все честно. Хочу тебя предупредить, потому что, мне кажется, ты с чем-то не согласен. Если ты вздумаешь, например, пожаловаться папе, натравишь на нас свою родню, то первым пострадавшим – угадай, кто будет? Ты. Лично ты. Ты один. Хотя что-то случится с моими близкими или с моей квартирой – ответит не папа и не дядя, а твой организм. Поразмысли о том, какой хрупкий и ломкий у тебя организм. Надави чуть сильнее... чувствуешь? Вот я опять надавливаю... Вижу, чувствуешь. Отвечать будешь в двойном размере. Моему сыну сломают ногу или руку? Значит, тебе сломают две. Моему сыну выбьют глаз? Тебе выбьют оба. И так далее. У тебя что по арифметике – умножать на два умеешь? Сожжете мою машину – будешь лечиться от ожогов. Знаешь, как это мучительно – ожоги? Это жуть, поверь на слово. Ты, кстати, любишь себя? Ты хочешь жить долго, и, вообще, ты жить-то хочешь?

Санька взял чужой мобильник, выпавший вместе с прочим имуществом, снял крышку и вытащил аккумулятор. Замкнул контакты ключом от квартиры, подержал так с полминуты и вставил все обратно. Телефон, естественно, сдох.

– Надеюсь, ты умный и понял, что я тебе рассказал. Ну а если дурак, то... лучше сразу беги из города.

Он оставил поверженного врага – переваривать унижение и страх. Вернул Севке его сокровище и повел прочь от сказочного замка. Севка светился от восторга.

Боб шел рядом, держа Оксанку за руку, и был несколько обалделый.

– Да ты сам психопат, – сообщил он приятелю. – Реально. У этого Артурчика, может, и в мыслях не было, чего ты ему приписал. Еще и убить грозил... Я фигею, дорогая редакция.

– Достали, уроды. Мало того что в школе таких половина, так и во дворе опять они.

– Детей не любишь?

– Терпеть не могу, – шепотом сознался учитель.

Когда Борька обнаружил на куртке Оксаны сзади под воротником эту крохотную дрянь, похожую на кусочек застывшей слюны, он поглупел на пару десятков лет.

– Как это?

– А вот так. – Санька бросил найденное устройство на кафель в прихожей и раскрошил его каблуком. – Я тебя предупреждал, с огнем играешь.

– Подожди... Это правда «закладка»?

– Нет, елочное украшение.

– Думаешь, он прилепил?

– Нет, папарацци, подслушивать, как девчонка ходит в туалет.

– Е-мое... Бред какой-то...

Вечером Санька заглянул к соседу в гости, и сразу – такие сюрпризы. Не готов был Бобер, поплыл, тюфячок... Зашел Санька попросту, без церемоний: лестничную площадку пересек – и на месте. С тревожным разговором. Оказывается, и вчера, и позавчера видели, как за Галиной и Оксаной после школы перся какой-то мужик. Галина – это жена Бориса. После музыкальной школы – тоже перся, как и после Дома творчества школьников, куда Оксана вместе с Севой ходят на кружки... Кто видел? Неважно. Сказали. По описанию, мужик во всех случаях один и тот же. Более того, этот подозрительный тип каждый раз был в наушниках: то ли плеер слушал, то ли... Что – «то ли»? (В этот момент Борька и начал «плыть».) А то, что, если тебе кажется, будто за тобой следят, – не противься паранойе. Сле-

дую этому правилу, Санька проверил машину, нашел под багажником радиомаячок, проверил свой макинтош, ничего не нашел и побежал к другу-журналисту поднимать тревогу...

– Теперь займемся тобой, – распорядился он.

Вещи он обследовал детектором, ради которого смотался на другой конец города. Где одолжил аппаратуру? Да тоже – какая разница, долго объяснять. По знакомству, на фирме, продающей всевозможную электронику... К Бобкиному плащу, как и к куртке Оксаны, оказался подвешен «жучок».

Кто-то прослушивал и отслеживал Борькину семью, включая – персонально – малолетнюю дочь.

– Ты мечтал о славе? – напомнил Санек. – Вот она, подкралась незаметно.

Борька был белым от ужаса.

– Что же делать? – вымучил он.

– Обратись в полицию, пусть ставят вас под охрану. У тебя ж там полно друганов. А сами переходите в режим осажденной крепости. Я бы Оксану подержал дома, никуда не выпускал – совсем никуда. И чтоб в квартире с ней кто-то сидел.

Борис ожесточенно массировал лоб.

– Чтоб кто-то сидел в квартире... Я – не смогу. Гале, получается, брать отпуск...

Борькина жена занималась в комнате с дочкой. Было слышно, как она втолковывает что-то ровным голосом, а Оксана истерично отвечает, почти кричит:

– Галина Васильевна нам не так объясняла...

Галиной Васильевной, собственно, и была Галя, родная мать Оксаны. Она же – учитель младших классов. Дочь называла ее в школе по имени-отчеству, как все дети. Совсем у девочки крыша съехала от этой учебы, или у матери – от ослиного упрямства. Чего мучить ребенка, всего два дня осталось до осенних каникул...

– Блин, – выдохнул Борис, – когда Галине скажу, помрет со страху. И вообще, кто ей отпуск даст в середине полугодия?

– Никто не даст, знаю я нашу директрису. Тебе сидеть.

– Да не могу я! Работы – как никогда. Интервью у мэтра, кстати, завтра беру...

– Ну, сам решай. Что думаешь с полицией?

– Шум поднимать... не уверен. Сколько нас будут охранять – год? Два? Это вряд ли, да даже месяц невозможно вынести... Слушай, может, это за мной следят, лично за мной? – сказал он вдруг с отчаянной надеждой. Словно просил, причем просил Саньку. – Мало у меня врагов, что ли? Материалов горячих полно в работе. А может... за тобой?

Санька улыбнулся:

– Ну пусть за мной, если тебе легче. Завтра проверим обе квартиры, особенно твою. Одежду, сумки...

– Завтра я занят, – напомнил Боб.

– Ну, послезавтра. У меня как раз свободные дни. Ты когда забираешь машину из ремонта?

– Обещали на этой неделе.

– Как возьмешь – посмотрим, не завелись ли «жучки». На колесах тебе станет гораздо легче.

Боб воодушевился, практически воспрянул:

– Я вот думаю: даже если это маньяк, он же теперь отскочит! Мы ведь нашли его «закладки»? Нашли. Значит, дело провалено, родители на стреме. Зачем ему рисковать?

Саня пристально посмотрел на приятеля, тяжело помолчал.

– Дурак ты, Бобер.

– Почему?

– Потому. Хотя бы неделю-две поддержи девочку дома.

Мысль мечется. Приближается миг истины, я очень волнуюсь. Чувства не чужды мне, как может показаться, и я отлично понимаю, что делаю.

Новое блюдо – новая седина, а вовсе не адреналиновый кайф. Какой-нибудь писатель назвал бы эту историю: КИПЯЩИЙ МОЗГ. Речь про мой мозг, а не про блюдо, которое довелось мне однажды жарить. Помню, хорошо помню шипящую и скворчащую сковороду, брызгающую маслом...

Обожаю писателей, они наполняют смыслом мою пустую жизнь!

В этот раз готовлюсь с особой тщательностью, слишком высоко задраны ставки, слишком близка развязка, и будет зверски несправедливо, если случайность разрушит мою мечту.

Квартира не просто надежна: место для реконструкции подобрано со вкусом. То-то папаша удивится... а уж как удивится его супруга! Наготове лебединые перья и живая лягушка. Разбитые хрустальные туфельки придется заменить раскрошенными фужерами, потому что ну где в реальности взять туфли из хрусталя? Ждет своего часа кастрюля для крови и половник, которым я буду вычерпывать кровь из брюшной полости. Наконец – антология стихов о любви, разобранная по страницам. Стихи предстоит сжечь во вскрытой груди моей принцессы. Ахматова, Есенин, Северянин, Цветаева, Бальмонт, Асадов, Лохвицкая, Тушнова... какие имена!

Девочка сидит дома одна, запертая и запуганная, я знаю это точно. За стальной дверью. Они думают, если заперли, то она в безопасности. Какие же они наивные, если не сказать грубее! Не понимают, что самое слабое место в этой крепости – их же собственная дочь.

Что мне дверь, когда у меня есть ключ к ребенку...

Прежде чем поехать, обстоятельно гримируюсь – так, чтоб родная мать не узнала, столкнувшись со мной нос к носу. Хотя зачем поминаю покойницу? Надеюсь, на небесах ей нет до меня дела.

Нервы, нервы.

Паркую мини-вэн метрах в двухстах от назначенного мне места встречи и вдруг понимаю, как на самом деле следовало бы назвать рассказ про меня.

КИПЯЩАЯ ДУША.

Не мозг.

Интервью с мэтром показали в прайм-тайм.

Высокий, подтянутый господин чуть за шестьдесят. Безупречно моложавый, в джинсах и свитере с оттянутым воротом. Ничего лишнего – ни во внешности, ни в одежде. Все, что нужно, при нем. Живая легенда детской литературы, автор множества культовых мультфильмов и полудюжины игровых фильмов, лауреат международных премий. Скромный солдат культуры. Боб на его фоне выглядит штатским.

Вопросы-ответы – как перестрелка.

Не чувствует ли Мастер вину за проделки Читатило? Нет (гость студии улыбается), безумец мог выбрать любую книгу, и то, что выбрал мою, – случайность. Допустимо ли шутить на темы убийства детей? В моих книгах нет убийств, все дети живы, у меня все понарошку, даже жаль. В каком смысле – жаль? А в таком, что кому-то это показалось нелогичным, вот и решил он меня поправить. В результате я пошутил, он посмеялся...

Мэтр опять улыбается – много и со вкусом.

– А если б, наоборот, уже он пошутил? – возбуждается журналист. – Как-нибудь по-своему. Вы бы посмеялись?

– Разве можно знать заранее? Шутку – в студию. Я могу оценить только готовое произведение.

– Преступник всегда оставляет на столе две пустые тарелки. Психологи сходятся на том, что он приглашает разделить трапезу именно вас.

– Я вынужден отказаться от приглашения. Врачи сильно ограничили мне животные белки и жиры.

– Не думаете, что вашим внукам и внучкам угрожает опасность?

– У меня их так много – одним больше, одним меньше... – Мэтр подмигивает. Очередная шутка. Мол, глядите, я не утратил с возрастом ни озорства, ни способности смеяться над собой...

Он явно валяет дурака, этот известный провокатор и хулиган. Интервью, ускоряясь, катится по скользкой тропинке скандала, что, понятное дело, замечательно, однако меру знать все же нужно. Журналист пытается вернуть разговор к началу: от имени обоих он наконец-то выражает соболезнования родителям жертв, говорит о скорби, которую испытывает весь, буквально весь огромный город... Поздно. Писатель, развернувшись на камеру, преображается. Нет больше улыбки. Лицо застывшее, голос хлесткий, слова как камни:

– Вы хотите знать, как я отношусь к серийным убийствам, в которых якобы есть моя вина? Объясню без розовых соплей, коли настаиваете. Никак не отношусь. Меня не трогают беды воров, которые смеют называть себя публикой, мне безразлично, что там у них плохого или хорошего. Это не мои трудности, если кто-то превратил их в скот, а их дома в скотобойню... Не перебивайте, Борис!.. Казалось бы, маньяк делает мне такой пиар, что моя «Поваренная книга людоеда» должна продаваться как холодный квас в жару... Кукиш. Ее даже не переиздали. Зато в сотни раз увеличилось дармовое скачивание в Сети. Не бойтесь, я не буду метать бисер про психологию халявы. Но агрессивная уверенность так называемых людей, что писатель обязан писать бесплатно, а искусство принадлежит народу, позволяет называть эту толпу коллективным идиотом. Меня спрашивают, почему не выходят мои новые книги? Почему больше не снимают мультики по моим сценариям? Да потому, господин коллективный идиот, что ты будешь потреблять все это бесплатно и еще нос воротить: исписался мэтр, постарел, и шутки пресные, и герои плоские! Ни книги, ни мультики теперь не покупают. Зачем покупать, если можно просто взять?.. Помолчи, Борис... Читатели, развращенные халявой, добивают писателей всем миром. На очереди – режиссеры и прочие убогие. Так что ты, любитель бесплатного, перечитывай своим детишкам «Поваренную книгу людоеда» и жди в гости Читатило. А вымирающее племя честных людей пусть скажет тебе спасибо. Ты качал, качаешь и будешь качать, а мы умоемся твоим харканьем. Ведь мы, «пейсатели», по-твоему, нищетоходы истеричные, враги прогресса, полицейская мразь, халтурщики и графоманы, нас нужно убивать. Именно так ты пишешь про нас в своих чахоточных форумах, господин коллективный идиот. По-твоему, написать книгу – как сесть и покакать? По-твоему, творец обязан удовлетворяться одной только радостью творчества, а также семечками, которые накидают ему поклонники в пущенную по кругу шапку? Вот и получи. Мне плевать на мир людей в такой же степени, как людям на меня... Не перебивать!.. Это мертвый мир, Боренька. Все гниет. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов, как сказано в Евангелии. Пусть хоронят. И это справедливо...

В студии – тишина.

– Сильно.

– Положить и постучать, – расслабляется Мастер.

– У вас есть возможность обратиться к преступнику напрямую. Воспользуетесь?

– Нет. Разве что... не нравится мне псевдоним Читатило. Не работает. Не страшный и не смешной. Пугал бы или смешил – это да, а так... Простое слово «Читатель» мне больше по душе.

Оксана исчезла.

Днем Борис позвонил домой, и никто не ответил. Вдобавок мобильник дочери оказался выключен. Он примчался, бросив все: квартира была пуста. Он позвонил Галине: та ничего не знала.

Кошмар материализовался.

Почему Оксана открыла дверь, когопустила? Кто мог ее уговорить, что за бес? Ей было строжайше сказано, чтоб никому не открывала, чтоб даже в прихожую не выходила, как бы дверной звонок ни надрывался. Чтоб немедленно звонила папе, если кто-то будет проситься войти...

Полиция подключилась к поискам тут же (Боб задействовал все связи). Ни в музыкальной школе, ни в Доме школьников пропавшая не объявлялась. Соседи по площадке ничего подозрительного не заметили, да и как они могли что-то заметить, если дверные глазки были залеплены жвачкой?

Во дворе видели, как двое грузили в машину коробку с телевизором. Машина стояла возле подъезда, где жила Оксана. Двое – это водитель, пожилой мужчина весьма благородного вида, а помогал ему высокий худощавый бородач.

Кодовое сообщение от маньяка на пульт дежурного пока не поступало, только это Борьку и держало... до поры до времени.

Он связался с Саньком. У того, как назло, был один из свободных дней, занятий нет, вот он и откомандировал сам себя в какой-то из пригородных дворцов-музеев, договариваться насчет экскурсии с классом – чтоб учеников непременно пустили во дворцовые театр и обсерваторию. Обещал вернуться максимально быстро. Санькина жена Тамара, коммерческий представитель крупной фирмы, тоже была вся в пене: утрясала непонятки с оборзевшей торговой сетью.

Прискакала из школы Галя, мать Оксаны. Некоторое время супруги сходили с ума, накручивая друг друга, потом Борька оставил жену дома – на телефоне, – а сам не усидел, поехал по больницам. Вот тогда-то и поступил звонок со страшной фразой: «Блюдо подано...»

Читатило позвонил не в полицию. Нет – непосредственно Галине. Голос, пропущенный через «Аноним-профи» и мало похожий на человеческий, уведомил несчастную женщину, что стол сервирован по такому-то адресу – на квартире, где ее муж обычно принимает любовниц. Она сорвалась туда, пробежав весь путь пешком: это неподалеку было. Дверь оказалась не заперта.

Она вошла...

Борька появился позже и успел вовремя, чтобы вызвать скорую. Несколько минут – и он потерял бы вместе с дочерью еще и жену... хотя, скорее всего, и так потерял. Квартира, снимаемая на деньги телеканала, действительно использовалась не столько для встреч с информаторами, сколько для амурных целей. Была у него вторая жизнь, маленькая такая, тайная ото всех.

Коробку из-под телевизора нашли в квартире. А в останках Оксаны обнаружили морфин: транспортировали ее в спящем состоянии.

Борьку, увы, тоже пришлось откачивать – сломался, увидевши, во что превратили его единственное дитя.

Рецепт, который использовал Читатило, озаглавлен был так: *«Сладкая принцесса с комбинированной начинкой»*.

Встретились на лестнице.

Борька сидел на крышке мусоропровода и беспрерывно курил. Одна приконченная пачка уже валялась под ногами. В квартиру возвращаться не хотел, там был женский клуб: тетушки, бабушки, еще какая-то родня. Все черные и скорбные. Раз в пять минут кому-

нибудь становилось плохо. Борькина жена лежала в реанимации, к ней не пускали, потому и собрались здесь непонятно зачем.

– За что? – бросил Борька в воздух.

– Ты хотел бестселлер, – сказал Саня. – У тебя будет бестселлер. Просто у него такая цена. За все надо платить.

– Почему со мной?

– Потому что читатель твой оказался последовательным, недооценил ты его. Вот он прочитал тебя. Ты написал, он реализовал, не на что жаловаться.

– Почему, почему так?

– А ты разглядел – как? Помнишь таз, который он использовал вместо гусятницы? Большой такой таз.

Боб спрятал лицо в ладонях.

– Зачем ты все это говоришь? Я не понимаю...

– Ты спросил, почему так. А я тебе отвечаю: строго по рецепту. Как там написано? Блюдо собирают тремя слоями в лебедятнице с предварительно насыпанным горохом; за неимением таковой можно взять гусятницу. Сливают холодную лягушечью кровь, подогревают романтизм горящими стихами. Дальше – в таком же духе. Готовую принцессу украшают рукой и сердцем и посыпают битыми хрустальными туфельками.

Боб затрясся:

– Ты? Мне? – Взгляд его стал бесноватым. – За что?!

Санька заорал так, что перила задребезжали:

– Да за то, что это ты ее убил, тварь тщеславная! За то, что я не знаю, как Севке все объяснить! Надеюсь, теперь тебе смешно, теоретик? Воспитал в детишках чувство юмора и – что там еще – ироничный взгляд на мир?

Боб соскочил с мусоропровода и ударил его, коряво и неубедительно. Драться он никогда не умел. Снова ударил. Сосед не защищался – так и стоял, подставляя лицо и глотая слезы: «Бездарность... Журналиюха... Позоришь профессию... А „метр“ твой литературу позорит...» Боб мог бы ответить, мол, завидуешь мне всю жизнь, сам втихаря пишешь, над чем каждая кошка в доме смеется, мол, творческий «потолок» твой, ничтожество, быть провинциальным учителем литературы; однако вместо этого Боб повалил Саньку на бетонный пол, случайно прокусив себе губу, и ответил ногами, ногами. А тот и не думал сопротивляться – плакал, свернувшись в позе эмбриона, хотя при желании свалил бы этого тьюфака одним плевком. Физические возможности их были несопоставимы.

– Шею с розовой ленточкой подать отдельно... – шептал Санька.

На следующий день пропала Юля, внучка мэтра. Квартиру с останками обнаружили днем – как обычно, после звонка. Эксперты были поставлены на уши и скакали аллюром «три креста», лаборатории работали в штормовом режиме. Быстро выяснили, что среди отпечатков пальцев, обнаруженных в квартире, часть принадлежит мэтру. Мало того, и на месте вчерашнего убийства нашлись его отпечатки пальцев.

Что это, сенсация? Или – подстава?

Через день был готов анализ биологических материалов по обоим эпизодам. ДНК-дактилоскопия с вероятностью практически неотличимой от ста процентов утверждала, что рвота в квартире, где расчленили Оксану, покинула желудок все того же мэтра. И в пожилом человеке, грузившем коробку, опознали его же, и автомобиль, стоявший у подъезда Боба, был его.

Абсурдные слухи, будто он причастен к похождениям Читатило, а то и есть искомый маньяк, впервые получили твердое основание.

Кто такой бородач, помогавший мэтру с коробкой, пока оставалось неизвестным.

Задержать писателя не успели: скрылся тотчас после исчезновения внучки.

Под вечер, когда родственники потихоньку рассосались, Боб сорвался. Один в квартире, а кажется – один во Вселенной. Пустота, сука, распирает душу, хочется грудь разодрать, чтобы выпустить ее... в общем, сбежал он в знакомое место, купил «кассету» хмурого, замутил и вмазался, как встарь.

Был он по молодости героинщиком, но хватило воли соскочить, что случается чрезвычайно редко. Или не воля ему тогда помогла, а трусость? Вовремя испугался? Сейчас уже неважно...

Сейчас Боб, тяжелый и теплый, обмякший в кресле, медленно растворяется в ласковом океанском приливе. На звонки не реагирует.

Некто входит в квартиру: открывает дверь запасным ключом, полученным в свое время от Боба. Смотрит на хозяина, неподвижного и бледного. Смотрит на шприц, на ложку, на включенный повсюду свет...

– Борис Иннокентьевич изволит отдыхать. С пониманием.

Веки у Борьки на миг поднимаются и опускаются – как пленочки. Он откликается:

– У тебя радужно-черная аура. Это большая честь.

– Для кого?

– Для нас, прозрачных. Наши матовые мысли – за слюдяным барьером. Ты разбей, если хочешь.

– Попозже, – соглашается некто. – Как оно вообще?

– Все путем.

– Рад за тебя, Кентыч.

Лицо Борькино ломается. Улыбка уродует губы.

– А ты все помнишь, Тараканище.

– Все помню. Ваша уважаемая кликуха, Кентыч, снова в тему. Опять вы вписались в систему, как вам ни ай-ай-ай!

– Положить и постучать.

– Извини, что мешаю, но звонили из больницы. Ты трубку не берешь, так что мать Галины вызвонила меня. Твою Галину завтра с утра переводят на отделение. Но, поскольку вам с обиженным классиком на всякие пустяки «положить» да еще и «постучать»...

Подкопченная ложка, взятая уверенной рукой, тюкает Кентыча по лбу.

– Поцелуй летучей мыши, – с восторгом комментирует тот. – Спасибо. Калейдоскоп надо встряхивать.

Борису Иннокентьевичу хорошо. Слова проникают в его мозг, чудесным образом минуя разум, слова сплетаются в величественные конструкции галактического масштаба, исполненные совершенства, но лишенные смысла.

– Нынешние дети не знают, что такое калейдоскоп, и даже твой героин им не поможет, – говорит призрак из детства. – Бог с ней, с Галиной, я лучше расскажу о другом. Помнишь историю с костром? В детстве, когда ты взял меня с собой в лес. Вы там нажрались в говно и не заметили, как один хрен из вашего класса, такой же бухой, поджарился. Всплывает картинка? Так вот – никакого несчастного случая. Его звезданули сзади по башке и, пока он валялся в отключке, воткнули ему в шею заточенный сучок, из-за которого он не смог кричать. Сучок – вместо вертела. А потом затащили падлу в почти погасший костер. Все как написано, все по рецепту. «Нанизать остряка на вертел и положить на тлеющие угли. Запеченные шутки выкапывать горячими. Искру не раздувать, а то разгорится пламя, и весь обед насмарку...» Никаких искр, конечно, не было – только вонь.

– Бить по голове – вульгарно, – изрек друг Кентыч. Он слушал и радовался, на губах его невпопад появлялась и пропадала аккуратная улыбка.

– А то! Можно было подрезать ему сухожилия на руках и ногах. В какой-то книге описано, как совсем маленький пацан так и сделал со своими взрослыми соседями, а потом прикончил их, беспомощных. Только мне это было в лом. Пацан из книги еще метал отравленные дротики... но это уж слишком. Да и отраву мне взять тогда было негде...

– Прости меня.

– За что?

– За тот пикник в лесу. Скотом я был... таким и остался...

– О чем ты?

– О том, что я тебя люблю, Тараканище, – говорит Боб. Он поднимает руки и шевелит пальцами, будто играет на фоно. – Смешное слово «люблю». «Лю» через «б» – и в бесконечность. Долгое эхо.

– А я тебя – нет.

– Это монопенисуально.

– К чему я про того жлоба в костре? Хочу, Борька, чтоб ты тоже ненавидел не себя, а истинных виновников, чтоб ты захотел найти их обоих и убить и, если найдешь, чтобы убил, не колеблясь. И писателя, кормящего людоедов, и его верного Читатило. Чтоб твоя жена могла наконец тобой гордиться, и чтоб дочка твоя хлопала в ладоши, свесив ножки с облака.

– Через «б», – говорит Кентыч, скривившись.

Тараканище смеется.

– Ладно, шучу. На самом деле мы приглашаем тебя к себе на дачу, на шашлык. Спонтанная ассоциация: шашлык, угли, труп... Не хочешь развеяться? Пока еще судебные медики вам отдадут Оксанку. Один ты просто свихнешься... если уже не свихнулся. Поедешь?

– Накласть и помочиться, – таков ответ хозяина.

Иные ответы в этом доме больше не рождаются.

Он посмел обвинить меня в непоследовательности и трусости.

И то и другое скоро проверим.

Он хотел понять? Надеюсь, теперь хоть что-то понял, размазня, хотя бы чувства родителей, о беде которых писал книгу. Правда, саму книгу он наверняка забросит. Кого-то потеря возносит на новый уровень постижения мира, а кого-то ломает и опускает на дно.

Он из тех, кого ломает.

Ему был дан шанс. Не воспользовался, даже не заметил этого шанса. А ведь мог сохранить дочь, если бы послушал своего Санька! Если бы вовремя отделил истинные ценности от иллюзорных, если б не был столь печально предсказуем... Однако это его выбор.

Плыви за горизонт, кайфующий странник...

Итак, первая потеря. С малолетства обожаю тараканов – и до сих пор не понимаю, что это была за блажь. Ловить их, держать в стеклянных банках, кормить, с собой носить – ах и ох! Мама даже купила здорового пятисантиметрового «американца», который жил у меня в комнате. Так и возникла кличка, поначалу казавшаяся обидной... Потом в доме появился котенок – новая любовь, новая страсть. А дальше все произошло быстро и как-то уж очень просто.

Котенок разбивает банку с «американцем» и давит его. Вижу я это – и темное безумие гасит мой разум: ловлю котенка и давай бить его книгой, картинки в которой так весело было рассматривать. Книга большого формата, увесистая, с твердыми, острыми углами... та самая. Моя первая.

Много ли надо котенку? Минута слепого гнева – и трупик.

Дальше – что? Истерика, шок, зеленка на исцарапанных руках. Хождения с матерью по психологам и психотерапевтам. Было мне тогда пять лет, но я и сейчас содрогаюсь, вспоминая те дни.

Книга, конечно, была испорчена, однако родители мои не смогли выбросить то, что от нее осталось. Любая такая попытка – и час истерики. К шести годам маленький убийца уже умел читать – специально, чтоб не дергать маму, и вообще чтоб поменьше зависеть от взрослых...

Так родился новый человек. Я.

Первая книга...

От фамилии автора долгое время пришлось бежать, чуть ли не уши закрывать, когда включали телевизор или радио. Тем более ни в коем случае не покупать новый экземпляр, бережно храня текст в голове.

Чтобы избежать искушения найти Мастера, создавшего меня.

Важную и светлую мысль подарил он мне в детстве:

«Ужас не в том, что человека легко можно съесть, а в том, что человек, забытый и брошенный, быстро протухает».

Легко можно съесть! Ничего в том ужасного и даже плохого! Вот так прямо и написано. Мысль эта, изменив мир вокруг, впечаталась в мозг малыша: в мой мозг...

Если искушение длится два десятилетия, настает момент, когда бороться уже нет сил. Наша встреча была неизбежна – Мастера и творения его. И слова, прозвучавшие в последнем интервью, стали долгожданным знаком. «Мне плевать на мир людей в такой же степени, как людям на меня», – сказал мой учитель.

Мертвый мир. Но – живые слова.

Зов был послан и услышан...

Теперь я знаю, какова его реакция на мои послания, теперь я не боюсь разочароваться. Ему *тоже* приходится играть роль, подсовывая миру персонаж вместо себя настоящего, произнося реплики в пьесе, которая осточертела.

Как хорошо, что мы поняли друг друга.

Семья на даче. Вторая половина осени, последние теплые выходные, золотое время школьных каникул.

Участок – десять соток. Теплый деревянный дом со вторым этажом и мансардой, времянка, парники, ухоженный огород. Идеальный воздух, река в двух шагах. Мечта простого обывателя, не отягощенного деньгами или амбициями.

Хорошо...

«Лада» – на площадке перед домом. Санька привез своих на «Ладе», а мини-вэн остался на стоянке в городе.

Ночь. Все спят: и хозяин, и его жена, и ребенок. В доме только я бодрствую.

Девушка, за которой Санька ухаживал, которую ждал на скамейке возле школы... что их связало? Только ли то, что он стал учителем? Или, может, то, что на учительке женился Боб?

Ах-ах, милая ты моя скамейка, созданная для двоих... Удобное было место наблюдать за детьми, обдумывая первые реконструкции.

А что эту семейную пару связывает нынче?

Наверное, нечто эфемерное, обозначаемое смешным словом «люблю»...

Кукла, играющая меня, спит вовсе не в постели, как можно было бы подумать, а в моей голове. Ночь – то время, когда не нужно притворяться. В дневное время кукла вынуждена придуриваться, пряча меня.

Однако нас вовсе не двое! Нет у меня никакого расщепления сознания или раздвоения личности: все, что мною делалось, – делалось осмысленно и зряче. Персонаж, придуманный и необходимый для общения с другими персонажами, всего лишь маска. А я – человек.

Смертельно уставший человек.

Время моего персонажа закончилось. В рассказе может быть сколько угодно действующих лиц, но человек там только один, это закон жанра. В жизни ровно то же самое. Человек – один, остальные – персонажи второго или третьего плана.

«И сын? – спрашиваю я себя. – Сын – всего лишь персонаж?»

Да, конечно.

Смотрю, как Севка спит – на спине, положив руки поверх одеяла. И вспоминаются отчего-то разные мелочи, каких изрядно накопилось за наши с ним десять лет... Как в три года он однажды вечером надел пижаму и залез в кроватку на час раньше положенного, без напоминания, и мы испугались, не заболел ли ребенок, а потом выяснилось, что он просто вытащил из моего плаща несколько монет и лег спать из-за острого чувства вины... Как он попал на местное телевидение, куда приехали с гастролем «Спокойной ночи, малыши», и в студии внезапно наткнулся на Хрюшу со Степашей, валявшихся на рояле, – на эти обшарпанные, потасканные, жалкие тряпки – и что же это за потрясение было для него... Как в детсаде его спрашивали, почему он так рвется в школу, и он отвечал: «Ну я же там буду ума-разума набираться...»

На глаза наворачиваются слезы.

Гоню воспоминания, справляюсь с минутной слабостью.

Надо быть последовательным, в этом Боб стопроцентно прав. Последовательность – она в том, что начинать ты обязан с себя, если хочешь что-то доказать другим. Вот о чем Боб не договорил в свое время. Начни с себя, Читатило, если есть в тебе хоть капля честности... Однако – нюанс. Принцип личного примера на самом деле гибок, и последовательный человек, не теряя лица, вполне может не начать с себя, а собою закончить.

Начиная тем самым что-то новое...

«Во сне?» – размышляю я, глядя на Севку. Чтобы малыш ничего не почувствовал... Нет, нечестно. Да и не здесь. Надо будить.

Беру ребенка на руки, выношу его из комнаты. Одевать незачем, пусть остается в трусах и футболке. На веранде кое-как растрясая его и, полусонного, вывожу из дома. На улице зябко и ветер. Бежим во времянку, где у нас летняя кухня. По пути Сева окончательно просыпается и наконец осознает, что вокруг глубокая темень. Слегка пугается:

– Чего такое, мама?

Тихонечко, тихонечко. Если б муж проснулся – конец реконструкции.

Санька – удобный парень, им легко управлять. Играет роль упертого догматика, лишённого чувства юмора, хотя совершенно не такой. Человек, беспомощный на кухне, как частенько подкалывает кукла Тамара куклу Александра, отлично понимая, *насколько* смешно – про кухню...

Чтобы заполучить Оксану, я рассказала ему о подозрительном мужике, якобы следившем за детьми. Он ужасно мнительный – тут же нашел маячок, мною подброшенный. Помогла ему с детектором: фирма, на которую я батрачу, всякая, они там продают все, что продается, в том числе электронику специального назначения. Посоветовала Сане убедить Борьку поддержать дочь дома... Вышло как задумано.

У меня – только так.

Хороший ты парень, Тамарище, говорил мне Боб когда-то в прошлой жизни. Все точно. Я – хороший парень, ни в чем не уступающий другим парням. С мальчишечьей спортивной фигурой, тщательно сберегаемой для дела – чтобы удобнее было менять внешность, превращаясь в кого угодно. Даже машина у нас с Саней общая, водим по очереди: я часто работаю на ней, разъезжая по городу и заключая договора с торговыми точками. Речь о «девятке»,

естественно. Потому что минивэн, вместительный домик на колесах, хранящий все необходимое, – мой и только мой. В нем проходит тайная и главная часть моей жизни. Всегда в гриме – на случай, если кто-то из знакомых увидит меня за рулем.

О существовании второй машины Санька не знает. В пьесе, в которой он играет мужа и отца, многого нет из того, что есть в реальной жизни.

Люблю его.

Зажигаю во времянке свет. Печку я натопила, здесь тепло и уютно. Мясорубка и газовая плита наготове. Все – наготове.

– Устроим маленький салют в честь каникул, – шепчу заговорщически. – Пока папа спит, а то не разрешит, скажет, спалим кухню.

Сева с радостью верит. Салют – это круто.

Высыпаю на клеенку порох из спичечного коробка. Беру несколько крупинок и бросаю на раскаленную «буржуйку». Красивые искорки с шипением разлетаются по времянке – какая на метр, какая чуть не до потолка.

– Теперь ты. Глаза прикрывай.

Севка повторяет мои действия и заворуженно следит за результатом. Он счастлив. Он забывает, пусть и ненадолго, о том, что осталось за спиной – там, в городе. «Ты кидай, кидай, не стесняйся». Мы привезли его на дачу совершенно подавленным, апатичным, отстраненным от жизни. Оно и понятно: со смертью Оксаны мир перевернулся. Возможно, это была его первая, еще детская любовь, ставшая первой потерей. Возможно, они и впрямь поженились бы, если б выросли.

Крохотное помещение наполняется специфическим сладковатым запахом. Для Севки все это нежданный аттракцион, повод встряхнуться, но для меня – строки рецепта. *«Лепешка из воинственного мальчика»*. Пункт первый: дать юному полководцу понюхать пороху... Нюхай, Севыч. Порох вкусно пахнет.

Что же я делаю?

– Почему ты хочешь стать военным, а не учителем, как папа? – спрашиваю.

– Военных любят, – отвечает смущенно он.

– Может, бояться?

– Тоже годится.

– Зато учителей уважают. Причем смолodu. К молодым девчонкам обращаются по имени-отчеству сразу, как они покидают педагогическое училище, совсем еще зелеными. В отличие от болтунов-писателей, которые всю жизнь обходятся без отчества, как дети.

Он вымученно улыбается. Видно, что опять задумался о своем. Искры погасли, малыш *вспомнил*.

– Мама, а почему Читатило выбрал Оксану?

– Она романтичная. Если обильно попудрить сладкой пылью, обсыпать конфетти, мишурой, золотыми монетами, то получится принцесса. Наверное, он так рассуждал. Он ведь готовил принцессу.

Сева странно смотрит на меня.

– А убивать зачем?

Вот это вопрос! Зачем Читатиле убивать принцессу, зачем вообще убивать? Много лет я мучаюсь в поисках ответа – и не нахожу. Что заставляет нормального человека материализовывать чужой бред? Ведь ее тошнит от насилия, эту верную ученицу безумца, она яснее всех прочих видит бессмысленность того, что совершает!

Зачем я убиваю?

Что за сила скрыта в проклятой книге? Или книга ни при чем?

– Если б знать, Севыч, если б знать, жизнь была бы иной.

– Как он мог украсть Оксану из запертой квартиры?
– Скорее всего, она его знала, потому ипустила. А все потому, что родители бросили ее одну.

– Вы меня не бросите?

Он дрожит. Прижимаю его к себе:

– Что ты, что ты...

Вдыхаю вкусный запах живого ребенка.

Два дня промелькнули, как платформа за окном разогнавшегося поезда. Закрываю глаза и вижу... Другой ребенок, внучка знаменитого дедушки – связанная, описавшаяся со страху, – кричит... как же она кричит... как кричит...

Убить взрослого я, наверное, не смогу. Особенно если тот понимает, что сейчас произойдет. В понимании все дело. Ужас, который испытывает перед смертью разумное существо, поистине вселенского размера. Легко представить себя на месте этого несчастного.

Вернее, совершенно невозможно представить...

Дети – другое дело. Им гораздо легче, их испуг мимолетен, как порыв зимнего ветра: обжог морозом, и все кончилось. Лишь бы не было больно, для них ведь самое главное, чтоб не больно.

Жаль, сегодня без мучений не обойтись, рецепт не оставляет места для маневра.

Девочке семь лет. Она в первом классе. Зовут Юлей.

– Замерзла? – спрашиваю.

Она крутит головой: дескать, нет, хотя всю колотит. Храбрится, маленькая... непонимание спасает детский рассудок.

– Сейчас согреешься, – обещаю ей.

Бульон, налитый в ванну, уже закипает. Я сунула туда три мощных кипятильника, хороших, еще советских. А до того, утром, варила курятину в пятнадцатилитровом баке, поставленном на все конфорки сразу, и баков таких понадобилось аж четыре, чтобы наполнить ванну до нужного уровня.

– Ну что, растяпа, – улыбаюсь я юной подружке, – ты всегда такая увлекающаяся?

Оставила ранец на пустыре. Играла-играла, потом все куда-то побежали, она со всеми. Я подняла забытую ею сумку и окликнула, она вернулась – так и познакомились. Тут и дедушка ее подошел... и вскоре отошел, вымученно подмигнув.

– Я больше не буду, – выдавливает она. Вслед за этим пустым обещанием находят дорогу и слезы. – Развяжите меня, пожалуйста!

Слезы – это правильно, слезы облегчают страдание.

– Попозже, деточка.

– Вы меня отпустите?

– Вечером за тобой приедут родители, – говорю ей чистую правду.

– У них денег всегда нет. Мама ругается, когда я чего-то прошу купить.

Ага! Думает, дело в выкупе.

– Ничего, мы договоримся. А теперь – знаешь что? Снарядим тебя в дорогу.

Раскладываю ей по карманам чеснок и зелень, листики розмарина, зеленый горошек, нарезанные кубиками картофель и кабачок, насыпаю кардамона. Страх ее сменяется веселым удивлением: зачем? Для вкуса, объясняю. «Ты будешь меня кушать?» – восторгается она, совершенно уже успокоившись. Нет, говорю, Юлечка, я тебя кушать не буду...

Варево в ванне бурно кипит, наполняя квартиру густым запахом; это значит – пора. Подтаскиваю бак и вываливаю куриные тушки. Заклеиваю моей гостье рот, сама надеваю фартук, рукавицы и защитную маску. Затем, не развязывая веревок, беру девочку на руки.

Она, вдруг поняв, извивается, как червяк на крючке. Труссы мокрые.

И тут замечает собственного дедушку, который прятался в комнате и наблюдал, держась побелевшими пальцами за дверной косяк.

– Деда! – вопит она. – Деда!

С писателем мы договорились на удивление просто. Он хотел, чтобы маньяком считали его. Это пожалуйста, мне слава не нужна, уйду безвестной. Единственное условие, что я поставила мэтру: он должен, как и Читатило, быть последовательным. И я с радостью помогу ему стать последовательным, если он решится... Он решился на следующее утро. Он думал всего лишь ночь.

Опускаю девочку в кипящий бульон – лицом вниз.

– Деда!!!

Она рвется, бьется, жгучие брызги летят мне на брезент. Двумя швабрами прижимаю будущий деликатес ко дну ванны. Еще минута... тело застывает, на поверхность всплывают зелень и специи...

Глаза писателя горят красным, а может, это мне чудится? Он впитывает происходящее, набирается вдохновения, справляясь с многолетним творческим кризисом. Радикальный способ, что ни говори. Я покидаю квартиру молча, понимая, как пожилому человеку больно... хотя тогда еще не понимая. Да и сейчас... а что – сейчас? Нет, не думать! Отключить думалку... Один пошутил, второй посмеялся – вот и весь сказ.

Я ухожу, оставляя Мастера один на один с блюдом, изготовленным по его заветам.

Сервировать стол он должен сам.

В руке у меня трехгранный штык начала прошлого века, очищенный от ржавчины. Давно выменяла, как знала, что понадобится. «У штыка нос остер...» Да уж, остер так остер. Сама наточила. Держать железяку страшно неудобно – длиннющая, тяжеленная. Я обмотала ее посередине изолентой, и все равно неудобно.

Руку с оружием прячу за спиной – Сева не видит, он ничего больше не боится, потому что мама рядом... Укладываю его к себе на колени, глажу по голове.

Теперь гораздо удобнее.

Один миг – и...

Остатки складываю в мешки и бросаю во времянке. Перекапываю и утаптываю рабочую площадку, сверху присыпаю песком.

В памяти – провал. Совсем не помню, как сделала это... что – это? Ну – ЭТО. Не знаю, слова отказывают. Действую автоматически: работает программа. Я робот. Помню, как разделяла тушу в свете автомобильной «переноски», как крутила потом рукоятку, как ожесточенно крутила эту чертову рукоятку, повторяя вслух:

– Пропустить через мясорубку...

Я пропускала. Воинственного мальчика – через мясорубку. Красиво придумал Мастер. Я добавляла в фарш осколки пластмассового пистолета, жарила на большой сковороде здоровенную лепешку, вплавляя в нее оловянных солдатиков...

Цельной картины нет.

Зато сознание мое внезапно пробивают совсем другие кадры! Блок снят, шторы подняты. Наконец я вспоминаю, что ж такое на самом деле произошло во время давнишнего похода в лес, во время того пикника, пропахшего горелой человечинной. Ужас, вытесненный сознанием в самый дальний тупик и запертый там на десятилетия, освободился...

Вспоминаю, зачем пацаны взяли меня, маленькую дурочку, с собой, подговорив Кен-тыча! И что они со мной делали, пока были сравнительно трезвыми.

Вспоминаю, как меня раз за разом уничтожали. Я умирала, воскресала – и снова меня убивали...

Прошлое вернулось. От стыда выворачивает. Блюю, как девчонка. Хочу выблевать эту кинохронику, но – невозможно. Прошлое теперь со мной.

Так вот что заставляло Читатило убивать?! Вот почему я так часто думала о себе в мужском роде?!

Севка!!! Севочка мой!!!

Жертва принесена. Мы воссоединились – я и Тамара.

Плачу.

Смысла больше нет – ни в чем.

Я все плачу, не могу успокоиться, я вою по-бабски: Севка, Севочка мой...

Возвращаюсь в дом, расставляю на веранде ТРИ прибора. Второй, как обычно, для автора рецептов. Лепешка красуется в центре стола на деревянном круге для пиццы. Вот теперь и только теперь, когда никто меня не посмеет упрекнуть в непоследовательности, я могу принять у себя в доме моего учителя. Творца, посеявшего добро. Семена были разбросаны давно, пришло время жать.

Он пунктуален: в ночи слышно урчание мотора. Автомобиль подъезжает к воротам – точно когда назначено.

Третий прибор – для мужа.

Я уверена в нем. Осознав, что произошло, мой муж поступит как надо, это вам не Бобик, неспособный на мужские поступки. Санькино безумие – именно то, чем я смогу гордиться.

Зажигаю керосиновую лампу и в придачу – толстые декоративные свечи. По стенам пляшут бесовские тени. Я бы сплясала с вами, но сил больше нет.

Рассвет уже скоро.

Мэтр сидит на табурете, сутулясь, молча глядит в пол. Он хотел быть Читатило? Он умрет как Читатило. Догадывается ли, что так скоро?

Достаю из хламовки, как мы называем кладовку, старую свою коробку, нахожу там рваную книгу без обложки и кладу ее рядом с центральным блюдом.

Что дальше? Садиться за стол и ждать, когда муж проснется?

Ничего не чувствую, совсем ничего. Режу левую руку кухонным ножом, распарываю кожу от запястья до локтя, чтобы ощутить хоть что-то. Боли нет. Абсолютно ничего нет. Кровь течет на пол веранды, привнося в картину недостающие штрихи.

Когда я выхожу на крыльцо, мэтр вскидывается:

– Ты куда?

– Аптечка во времянке, – вру.

Защелкиваю дверь. Обхожу дом и кидаю камень в окно спальни. Слышу невнятный Санькин возглас, после чего перемахиваю через забор и шагаю прочь от участка.

Полицию вызвал сосед, живший через несколько домов. Собрался рано утром в город, выкатил свое авто на узкую дачную улочку, но проехать не смог: уперся в джип, брошенный посреди улицы и загородивший проезд. Он посигналил – никто не явился. Тогда он вошел в чужой двор, выкликая хозяев, поднялся на крыльцо... Так и было обнаружено место очередной бойни, учиненной маньяком.

Джип принадлежал известному детскому писателю, объявленному в розыск как раз в связи с делом Читатило. Труп самого писателя нашли на веранде: кто-то напихал ему в рот страниц из его же книги, буквально вбил в горло бумажные комья. Умер он от удушья. Стол, как обычно, украшала людоедская инсталляция.

Пол на веранде был залит кровью.

Хозяин дачи, пьяный в лоскуты, спал на земле в огороде, сжимая в одной руке старинный штык, в другой – окровавленную детскую майку. Вокруг спящего были разбросаны человеческие останки, которые, как выяснят позже судмедэксперты, принадлежали его сыну. Экспертиза также покажет, что кровь на веранде осталась от его жены, однако труп несчастной женщины так и не будет обнаружен.

Когда пьяного привели в чувство, выяснилось, что тот невменяем. Не знает, где он и кто он. Не может дать никаких вразумительных ответов. Его госпитализировали в одну из городских психиатрических больниц на отделение судебно-психиатрической экспертизы. Впрочем, картина произошедшего в целом была ясна. Этот человек на пару с писателем убил собственного сына, тело они распотрошили, приготовили блюдо, следуя рецепту из книжки. Потом что-то не поделили, в результате хозяин дачи прикончил заодно и гостя. Оставалось неясным, кто же из них все-таки был настоящим Читатило, а кто – помощником. А также – какая судьба постигла жену хозяина...

В любом случае, следствие ожидала интересная работа, в конце которой светили новые звания и разнообразные поощрения.

Некто в потертом спортивном костюме и с перевязанной рукой шел вдоль шоссе, удаляясь и удаляясь от города. Мимо проносились фуры и легковушки, однако путник не рисковал пока голосовать.

Половую принадлежность этого человека определить – вот так, с ходу, – было затруднительно. По виду – крепкая молодая женщина с мужским типом фигуры и мужской манерой двигаться... но, может, и красавчик-юноша, стройный, женственный, изящный.

Хотя так ли важен его (ее) пол? Куда важнее другое. Столько прекрасных детских книг ждало своего Читателя и нуждалось в нем! Вдобавок рецепты из «Поваренной книги людоеда» были реализованы далеко не все. Мало того, в огромном числе городов люди вообще не видели ни одного реализованного рецепта...

Шоссе вело к этим городам, счастливым в своем неведении.

Маньяк № 4

Александр Подольский

Трюк с фонарем

У всех нас есть сила в руках, чтобы убить. Но большинство боится ее использовать.

Ричард Рамирес

Выступали азиаты-карлики в пестрых пижамах блевотного цвета. Эта парочка недомерков показывала карточные фокусы, дурачилась, дралась, но публика никак не реагировала. Жалкое зрелище.

– А что полиция? – спросил я, выдыхая дым.

– Да срать им, – сказал Боров. – Оформили самоубийство, мол, никаких вопросов, чего, мол, тут голову ломать? Разбираться не стали. Им всяки не нужны. Как и мне – проблемы.

Десять минут истекли, и платформа поползла вниз, забирая карликов под сцену. Народ лениво похлопал – скорее скрипящим механизмом, чем циркачам. Сегодня людей было мало, сотни три. Но вечерний куш никто не отменял.

«Платформу» придумал Боров. Я никогда не понимал прелести этого местечка, но оно понравилось очень многим. Идея была в том, чтобы собрать в одном заведении кучу разномастной творческой живности, выделить каждому время для выступления, а лучших потом наградить. Сцена тут располагалась в здоровенной раковине, выглядывая в зал, будто глаз из дырки в черепе. Пола не было – его заменяли многочисленные платформы, которые тащил наверх подъемник. Пока выступали одни умельцы доставать кролика из шляпы, готовились следующие, и так три часа подряд семь вечеров в неделю. Безостановочное шоу на потеху зрителю. У каждой команды была своя платформа, которую она разрабатывала, обставляла и готовила к номеру. Отсюда и пошло название. Взнос участника, конечно, кусался, но шанс тем же вечером получить в десятки раз больше привлекал куда сильнее. Плюс к тому здесь частенько практиковалось поощрение отдельных удачных номеров неплохой денежкой. Победителя выбирали зрители, и он заграбастывал половину банка. Посетителей тянула сюда иллюзия власти, возможность решить чью-то судьбу. Ну а вскоре «Платформа», укрывшаяся от большого города в промзоне, стала любимым местом для представителей мира криминального. Полиция сюда не заваливалась, Боров платил исправно, так что публика собиралась соответствующая. Хотите снять бабу на ночь, заказать соседа или прикупить таблеток? В «Платформе» всегда отыщется нужный человек. Главное – знать, к кому подойти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.